

А. П. Шикман

Улица Кирова, 7

А. П. Шикман

Улица Кирова, 7

Московский рабочий
1989

ББК 63.3(2)л6

Ш57

Рецензент

В. В. Сорокин

Ш $\frac{4403000000-012}{M172(03)-89}$ 93-89

ISBN 5-239-00179-0

ББК 63.3(2)л6

© Издательство «Московский рабочий», 1989

КОЛЛЕКЦИЯ ЭПОХ

Голландский посол Ван-Кленк, приехавший в Москву в 1675 году, оставил следующее описание столицы: «Улицы просторны и широки, но осенью и в дождь очень топки и грязны: устланы они деревянными бревнами. Мясницкая же, где часто ездит его царское величество, поверх бревен устлана еще досками». На этой «благоустроенной» улице в XVII и XVIII веках жили бояре, вельможи, архиереи. Сюда, на Мясницкую (ныне ул. Кирова), я шел, чтобы увидеть некогда знаменитый дом, о котором собирал материал для этой книги. Прохожие на мой вопрос смущенно улыбались: «Фуркасовский переулок рядом. А где находилась Чертковская библиотека, простите, не знаем». Мы разговаривали в десяти шагах от дома. Узнаю его сразу по двадцати, в два ряда, зеркальным окнам левого крыла, тянущимся по Фуркасовскому переулку. А другим, меньшим рядом оно обращено к главному зданию. Каждый дом — слепок своей эпохи. Этот — коллекция эпох.

Первые деревянные палаты, построенные не позднее середины XVII века, предназначались для потомков наследников хана Золотой Орды, касимовских царевичей, перешедших на службу к Московскому великому князю. И хоть были они просто служилыми князьями, но, сохраняя громкий титул и память о заслугах предков, продолжали пользоваться уважением и почетными правами.

В конце XVII века на месте деревянных палат построили каменный особняк (центральная часть дома без крыльев). По мнению специалистов, в подвальной части здания могли сохраниться конструкции того времени. В 1716 году домом

владел еще последний потомок касимовских царевичей Иван Васильевич, род которого пресекался в начале XVIII века.

Новым владельцем дома стал князь Алексей Григорьевич Долгоруков. Его карьера была столь же стремительной, сколь и недолгой. Губернатор в Смоленске, затем президент главного магистрата, сумевший снискать дружеское расположение всемогущего царского фаворита А. Д. Меншикова. По его протекции Долгоруков становится сенатором, гофмейстером и воспитателем будущего царя Петра II. После восшествия на престол своего воспитанника честолюбивый Долгоруков, уже член Верховного тайного совета, «отблагодарил» своего покровителя, добившись от молодого царя решения о ссылке Меншикова в Сибирь, в Березов. А затем, мечтая о безграничной власти, употребил все свое влияние для сближения четырнадцатилетнего императора со своей дочерью, княжной Екатериной. Обручение состоялось, но произошло непредвиденное. 18 января 1730 года, в день, назначенный для бракосочетания, Петр II скончался от оспы. Когда «верховники» решали вопрос о новом государе, Долгоруков оказался единственным, выступившим против избрания на царство герцогини курляндской Анны Иоанновны, за что поплатился ссылкой со всей семьей во все тот же далекий Березов, где и умер. Роскошный особняк надолго остался без хозяина.

По исследованиям историка Москвы Н. П. Чулкова, в 1742 году это владение принадлежало действительному статскому советнику Н. П. Салтыкову, в 1758 году — А. Я. Салтыковой. Предположительно в 1783 году дом переходит в собственность генерал-майора С. Н. Салтыкова, а затем его вдовы. Известный исследователь Москвы П. В. Сытин обнаружил в архиве «План двора генерал-майорши Н. Ф. Салтыковой в Белом городе, на Мясницкой улице», подписанный Семеном Антоновичем Кариным, архитектором Московской управы благочиния, одно время работавшим вместе со знаменитыми зодчими М. Ф. Казаковым и К. И. Бланком. В объяснении к плану С. А. Карин писал: «...по просьбе покойно-

го господина генерал-майора и кавалера Сергея Николаевича Салтыкова данным планом в прошлом 1787 году позволено было строить вновь два каменные корпуса, которые еще не строены». После сноса старых пристроек «каменные корпуса» (крылья особняка) были возведены. Центральную часть дома перестроили. С 1809 по 1811 год хозяином особняка являлся камер-юнкер Н. С. Салтыков. Пожар Москвы 1812 года пощадил это здание. В октябре 1813 года его приобретает жена штабс-ротмистра лейб-гвардии конного полка А. С. Салтыкова. В 1826 году ее каменный двухэтажный дом с двумя двухэтажными флигелями оценивался в 150 тысяч рублей. В 1831 году хозяином дома становится московский губернский предводитель дворянства, полковник в отставке Александр Дмитриевич Чертков. В 1838 году он соединяет центральное здание с правым его крылом. Участник Отечественной войны, археолог, историк, Чертков собрал уникальную библиотеку, посвященную познанию Отечества, — *Rossika*. Охотно предоставляя книги всем, кому они необходимы, А. Д. Чертков превратил особняк в своеобразный центр культурной и научной жизни Москвы. Здесь бывали ученые и писатели. Среди них А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, Н. В. Гоголь, М. П. Погодин. Гостеприимный хозяин мечтал увидеть свою библиотеку доступной для общественного пользования, но сделать этого не успел. В январе 1863 года, выполняя волю отца, Григорий Александрович Чертков открыл библиотеку для читателей, пристроив еще в 1859 году специальное здание, которое могло уберечь книги от пожара. Центральная часть здания и два крыла соединились в ансамбль. Чертковская библиотека разместилась в левом крыле особняка и стала известна как своими книжными сокровищами, так и прекрасным помещением. При библиотеке в течение десяти лет издавался один из самых замечательных исторических журналов XIX века — «Русский архив». Невозможно представить работу историка, литературоведа, даже и в наше время, без этого издания.

Последующие перестройки новых владельцев, обильный

и небезупречного вкуса декор исказили внешний облик здания и его интерьеры. К сожалению, архивные документы не отражают эти многочисленные изменения. По мнению историка архитектуры Е. И. Кириченко, нарядная художественная лепка Готического, Белого и Малого залов, затейливый узор так называемой Восточной комнаты могли появиться в 90-х годах XIX века. А Большой зал особняка, вероятно, перестраивался уже в 30-х годах века XX.

Особняк сдавался в аренду как частным лицам, так и общественным организациям. В разное время в его стенах нашли приют Архитектурное общество, Общество любителей садоводства, Общество истории и древностей российских, Общество русских врачей, книгоиздательство братьев Салаевых, книжный магазин А. А. Карцева, и в особенности Московский литературно-художественный кружок, который объединил цвет московской интеллигенции. Здесь встречались выдающиеся артисты, художники, архитекторы, адвокаты, врачи, общественные деятели. Какие люди входили в подъезд дома № 7 на Мясницкой! Корифей театра М. Н. Ермолова и К. С. Станиславский, В. И. Качалов и В. И. Немирович-Данченко, художники В. А. Серов и И. С. Остроухов, архитектор Ф. О. Шехтель, писатель В. А. Гиляровский... Немного найдется в Москве домов, где встречалось столько выдающихся людей одновременно, да еще в неофициальной, дружеской обстановке.

...Новая жизнь дома началась с новой жизнью страны — после Великой Октябрьской социалистической революции. В 1922 году в нем разместился Деловой клуб. Изголодавшаяся по нефти, углю и дровам Москва смотрела на прохожих облезлыми лицами домов. Стояли остывшие заводы. Не хватало продовольствия и квалифицированных рабочих. В это трудное время возрождение промышленности и транспорта стало одной из главных задач, выдвинутых партией. В Деловом клубе собирались хозяйственники-коммунисты. Проводили совещания, делились заботами, получали необходимую информацию в специальной справочно-хозяйственной и на-

учно-экономической библиотеке при клубе. А 14 февраля 1923 года лучших красных директоров пригласили в редакцию газеты «Правда». Длинный редакционный коридор был превращен в банкетный зал. За столом, украшенным огромным тульским самоваром (подарок рабочих своей газете), родилась идея создать Клуб красных директоров. На организационном собрании, состоявшемся 11 марта 1923 года, свыше 120 директоров-коммунистов Москвы решили прогвоздоставить влиянию нэпманов ядро большевиков-хозяйственников, тем самым выполняя призыв В. И. Ленина учиться так вести хозяйство, чтобы обеспечивалась экономия материальных и финансовых средств, чтобы наиболее производительно применялся человеческий труд.

С этого времени в старинном особняке наряду с Деловым клубом работает Клуб красных директоров. Организуются доклады, лекции, курсы по важнейшим вопросам фабрично-заводской жизни. В этом доме выступали Н. И. Бухарин, Ф. Э. Дзержинский, В. Р. Менжинский, В. В. Куйбышев, Г. К. Орджоникидзе. А в 1927 году оба клуба объединились в Клуб работников народного хозяйства, который не раз выступал инициатором многих новшеств в технологии производства и управлении народным хозяйством. Ныне это — Московский Дом научно-технической пропаганды имени Ф. Э. Дзержинского при Всесоюзном обществе «Знание». Но все, кто бывает здесь, называют его просто Домом, и всем понятно, о каком доме идет речь. Здесь собираются тысячи людей. Пропаганда новейших достижений науки и техники, экономики и передового производственного опыта — сегодняшний день старинного особняка, запечатлевшего в себе долгую и прихотливую жизнь Москвы.

«ВСЕОБЩАЯ БИБЛИОТЕКА РОССИИ»

Кто только не вспоминал об Александре Дмитриевиче Черткове: вельможи и ученые, писатели и артисты. Вспоминали о разном и по-разному. Но как бы ни относились к нему ме-

муаристы и что бы ни сочиняли ученые авторы, в одном были единодушны все — этот человек внес немалый вклад в отечественную культуру, а его уникальная библиотека стала гордостью Москвы.

До того как в 1831 году сорокадвухлетний московский уездный предводитель дворянства Чертков приобрел роскошный особняк на Мясницкой, он успел прожить полную опасностей и трудов жизнь. Один из богатейших людей России предпочел активную общественную деятельность безмятежной праздности. Пусть не посетует читатель на подробные биографии людей, жизнь которых была связана с этим зданием. История дома — это обязательно история тех, кто в нем жил и работал. Имена этих людей и заставляют нас остановиться, заинтересованно всмотреться в особняк, мимо которого мы могли бы равнодушно пройти. Что здание! Ведь и на гусиное перо смотрят миллионы людей, если знают, что его держал Пушкин...

А. Д. Чертков (1789—1858) родился в Воронеже в старинной дворянской семье. Получив прекрасное домашнее образование и пользуясь хорошо подобранной библиотекой деда и отца, он с детства интересовался историей России. Немалую роль в будущей деятельности Черткова сыграл и его учитель Г. П. Успенский, автор знаменитой в свое время книги «Опыт повествования о древностях русских» (Харьков, 1801). Он сумел привить своему воспитаннику любовь к родной старине. Девятнадцатилетним юношей Чертков приехал в Петербург и поступил на службу в департамент министерства внутренних дел. Но вскоре, в 1809 году, перешел на военную службу и стал эстандарт-юнкером в лейб-гвардии конном полку. Может, и закружила бы Александра Дмитриевича безалаберная гвардейская жизнь российского аристократа, если бы не события, заставившие посмотреть другими глазами на окружающий мир и на свое место в нем. Во время Отечественной войны 1812 года Чертков участвовал в боях на территории России, а затем сражался под Дрезденом, Кульмом, Лейпцигом... Властелин Европы Наполеон «побеж-

ден московскими стенами». В последних кровопролитных сражениях рушится наполеоновская империя. Всеобщее ликование и ясное понимание передовыми людьми России того, что мир изменился. «Настал другой век» (Н. М. Карамзин). И по-новому звучат слова «отечество», «свобода». И пушкинское:

Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы.

Патриотический подъем, охвативший с началом войны все слои общества, и, как следствие, возросший интерес к своему Отечеству — все это коснулось и Александра Дмитриевича. Те же события, которые сыграют огромную роль в формировании революционной идеологии декабристов («Мы были дети 12-го года»), Черткова превратят в кабинетного ученого.

Он не расставался с книгами по русской истории даже и в походных условиях, находя возможности для серьезных занятий. Чертков стал вести тетради, в которых делал выписки из прочитанных книг и высказывал свое мнение о них. В 1822 году, желая пополнить свое образование, полковник Чертков оставил службу и два года путешествовал по Австрии, Швейцарии и Италии, занимаясь естественными науками и археологией. В Италии он отыскивает те редкости, которые позже украсят его дом на Мясницкой и послужат ему материалом для книг. По возвращении в Россию Александр Дмитриевич вновь поступил на военную службу и участвовал в войне с Турцией 1828—1829 годов. Уже имея семью, Чертков испытывал множество житейских неудобств, с трудом изыскивая время для научной работы. Сослуживец Черткова граф М. Д. Бутурлин вспоминал, как они встретились в молдавском селении Калараш: «Александр Дмитриевич приютил меня в своей молдаванской мазанке, открытой доступу всем зефирам, где я то и дело затыкал окна пузырями клочками вместо отсутствующих стекол от валившего хлопьями снега». В 1829 году, получив возможность

выйти в отставку, Чертков приехал в Москву и с 1831 года поселился в собственном доме на Мясницкой, полностью посвятив себя изучению русской истории.

Свободно владея французским, немецким, латинским и итальянским языками, Чертков работал с книгами на этих языках, находя в них материалы, касающиеся России. Как и всякий ученый, он не мог обойтись без хорошо подобранного книжного собрания. Публичной библиотеки в Москве тогда не существовало, а библиотека Общества истории и древностей российских, в котором Чертков с 1836 года был вице-председателем, а затем председателем, не могла его удовлетворить.

Общество истории и древностей российских — первое в России научно-историческое объединение, занимавшееся изучением и публикацией документов древнерусской истории и литературы. На заседания общества, которые иногда проходили в доме А. Д. Черткова, собирался цвет исторической науки, многие выдающиеся коллекционеры рукописей и книг. В уютном кабинете хозяина обсуждали дела общества историки М. А. Оболенский, С. М. Соловьев, М. П. Погодин, И. Е. Забелин, библиограф В. М. Ундольский, историк литературы С. П. Шевырев, писатель А. С. Хомяков. Это блестящее окружение, сама атмосфера научного поиска и бескорыстного служения науке не могли не влиять на жизненные интересы Александра Дмитриевича.

В России и во время заграничных поездок Чертков постоянно покупал книги. Характерно, что тогда же делают свои первые книжные приобретения знаменитые собиратели Н. П. Румянцев, Ф. А. Толстой, М. П. Погодин. Потребность в крупных личных книжных собраниях остро ощущалась образованной частью русского общества.

Библиотека росла быстро. Вскоре появилась необходимость иметь каталог, чтобы знать, что есть и что нужно покупать. Александр Дмитриевич сам составил и издал описание своей библиотеки — «Всеобщая библиотека России, или Каталог книг для изучения нашего отечества во всех отно-

шениях и подробностях» (М., 1838). В предисловии Чертков объяснил причины, побудившие его собирать библиотеку, и планы, которыми он руководствовался при ее подборе. «До сих пор мы, кажется, еще не имели библиотеки, составленной из книг, исключительно касающихся до России и таких, в которых, хотя мимоходом, говорится о нашем Отечестве. Этой цели не имели, при составлении своих библиотек, ни казенные заведения, ни частные книгохранилища. И между тем сколь полезно и необходимо такое собрание в одно место всех материалов, нужных для историка, статистика и литератора русского! Каждый из них очень часто прерывает свой начатый труд единственно по неимению какой-нибудь книги, ныне редкой и для его исследований необходимой... Многие книги, напечатанные в России, ныне так редки, что их не только купить, но даже нельзя достать для прочтения. Об иностранных, изданных за границею, и говорить, кажется, не должно. А посему необходимо — собрать все, что когда-либо и на каком бы то ни было языке писано о России».

Имея значительные средства и серьезные знания, Чертков рассчитывал на успех своего предприятия. Кроме рукописей и книг библиотека пополнялась атласами, планами и видами городов, портретами, эстампами — всем, что имело отношение к русской истории.

Рассказывая о своем книгохранилище, Чертков обещал читателям, что по мере пополнения библиотеки он будет издавать «Прибавления». «Таким образом эти реестры составят наконец полную справочную книгу о всем, касающемся до нашего отечества». Первое «Прибавление» было приплетено ко второму тому каталога, вышедшему в 1845 году. Во втором томе Чертков уже не только описывал книги, но и рассказывал о них, давая любопытные и важные справки: «Во всяком случае, из этих примечаний можно, по крайней мере, вывести заключение, что «Всеобщая библиотека России» состоит не только из собранных, но вместе с этим из прочтенных книг», — писал Александр Дмитриевич. Многие ли из библиофилов могли повторить слова Черткова о своем

собрании? Каталог этот давно стал редкостью, он и по сей день сохраняет значение как пособие при изучении истории и географии нашей страны.

Богатства этого книгохранилища описаны во многих научных работах. Но все же в периодике нет-нет да и мелькнет какое-нибудь новое сообщение о Чертковской библиотеке. В 1980 году в газете «Литературная Россия» была напечатана статья Г. Веселой и Е. Рубицштейна «Фонвизин — переводчик Вольтера», в которой рассказывалось, как, еще учась в Московском университете, будущий драматург начал свою литературную деятельность переводом трагедии Вольтера «Альзира». При жизни писателя она не издавалась, а ведь именно после шумного успеха этого перевода Фойвизин «начал иметь некоторое мнение» о собственном даровании. Так вот, именно в Чертковской библиотеке хранилась рукопись трагедии с собственноручной правкой переводчика. И хоть этот список давно находится в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина, он и сегодня носит название «Чертковский».

Пользуясь материалами своей библиотеки, Александр Дмитриевич (с 1842 года член-корреспондент Петербургской академии наук) издал 12 книг. Одна из них — «Описание русских древних монет» — была удостоена Демидовской премии, которую Чертков пожертвовал на издание древнейшего памятника русской письменности — «Остромирова Евангелия». Он первый разработал научную классификацию русских монет, впервые провел научные раскопки подмосковных славянских курганов.

Наряду с исследовательской работой Чертков деятельно участвует в культурной жизни Москвы. Он радушно встречает приехавших в Россию композитора Роберта Шумана и его жену, замечательную пианистку Клару Шуман. Вот что вспоминали они о своем пребывании в Москве: «Утром нас посетил предводитель дворянства Чертков. Он тепло отнесся к нам, и мы ему очень обязаны. Дело в том, что сезон здесь уже прошел, большая часть дворян уехала в свои име-

ния... Чертков взял большое количество билётов и сам распространял их; он людей прямо за волосы вытаскил». Так весной 1844 года Москва впервые приобщилась к музыке Шумана. А уже к середине XIX века автор «Крейслерианы» стал одним из избранных русской публики и музыкантов.

Но главное дело жизни Черткова — создание уникального книжного собрания, навсегда сохранившего его имя. Тяжелые ящики с книгами приходили из Европы до последних дней жизни Александра Дмитриевича. Новые приобретения, особенно книги на славянских языках, занимали свое место на широких полках Чертковской библиотеки. Первоначально она размещалась в Дубовом зале центральной части особняка, в нишах стен, которые сохранились до наших дней. Этот зал с изящным мраморным каминем одновременно служил и кабинетом Черткову. Хозяин славился хлебосольством и сердечностью. Вот что вспоминал историк и археолог Н. Н. Мурзакевич: «Такого радушия... готовности служить советами, библиотекою я никогда более не встречал. Дом его, кабинет, он сам в сюртуке с накидкой по нему халата, разбросанные статуэтки, книги, книжки, книжечки по столам, стульям, — со мною как бы сроднились. Нигде так приятно и полезно не проводил я времени, как в гостеприимном доме Черткова». Историк М. П. Погодин записывал в дневник: «К Черткову. Очень мило и просто... У него прекрасное собрание монет и он знаток... Обедал у Черткова, у которого нахожу беспрестанно драгоценности. Прекрасный человек».

Незаурядной личностью была и хозяйка дома — дальняя родственница А. С. Пушкина, Елизавета Григорьевна Черткова (урожденная Чернышева). Ее родительский дом П. А. Вяземский называл «святынею несчастья». Сестра Елизаветы Григорьевны Александра Григорьевна была женой декабриста Никиты Михайловича Муравьева. По делу 14 декабря 1825 года осудили и ее брата Захара Григорьевича. А. И. Герцен в «Былом и думах» вспоминал Е. Г. Черткову, когда описывал смерть своего друга В. В. Пассека:

«Возле покойника, молча, сложа руки, с выражением бесконечной грусти, стояла высокая женская фигура; ни один артист не сумел бы изваять такую благородную и глубокую «Скорбь». Женщина эта была немолода, но следы строгой, величавой красоты остались». Среди ее знакомых, приходивших в дом, — Н. В. Гоголь, гениальный актер М. С. Щепкин, друг А. И. Герцена В. В. Пассек.

В мае 1836 года, в последний приезд в Москву, дом посетил Александр Сергеевич Пушкин, после того как Чертков подарил ему свою книгу «Воспоминания о Сицилии» (ч. 1. М., 1835). Дома, как и книги, имеют свою судьбу. Один только раз переступил порог чертковского дома великий поэт, но как же тесно окажется связана его посмертная судьба с этим особняком. Сюда будут приходить его друзья, здесь будет работать один из замечательнейших исследователей его биографии П. И. Бартевев, здесь будут издаваться его произведения...

20 января 1841 года Александр Дмитриевич принимает еще одного знаменитого гостя — Василия Андреевича Жуковского, приехавшего для встречи с родственниками и друзьями перед женитьбой и отъездом за границу.

В этом доме можно было услышать и тихие разговоры о ссыльных декабристах (Александра Григорьевна уехала к мужу в Сибирь), и громкие споры об «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Здесь вслух читали стихи Д. В. Веневитинова и беседовали о русских летописях...

Смерть Александра Дмитриевича в 1858 году оборвала привычную, устоявшуюся жизнь особняка. Остались незавершенными многие труды. Не было выполнено и давнишнее желание Черткова, — сделать библиотеку доступной для общественного пользования. Исполняя его волю, в 1859 году со стороны Фуркасовского переулка к особняку стали пристраивать новое трехэтажное здание с железными связями и колоннами, с мозаичным каменным полом, — всё для предотвращения гибели библиотеки от пожара. Подвальный этаж предназначался для духовых печей, отапливающих все здание,

и кладовых. На втором этаже должна была разместиться библиотека. Третий планировали отдать под нумизматические коллекции, ценные археологические находки, вывезенные Чертковым из Италии, и особо редкие книги. Строительство закончили в 1862 году. В шести залах, два из которых предназначались для читателей, установили книги. И уже 30 декабря 1862 года газета «Московские ведомости» сообщила, что с нового, 1863 года три раза в неделю библиотека приглашает писателей и ученых.

Сюда приходили не только для занятий. По пятницам здесь бывали специально для того, чтобы осмотреть достопримечательности невиданного доселе частного книгохранилища, открытого для посетителей. И тот, кто приходил сюда, не сожалел о потраченном времени. Поднявшись по каменным ступеням роскошной лестницы, пришедший видел резные чугунные двери, через которые открывался вид на все залы библиотеки. В центре — огромный пролет во всю высоту здания, держащийся на шести чугунных опорах, идущих от пола второго этажа до потолка третьего, и окруженный прорезной решеткою. Справа и слева большие залы с широкими окнами, а в простенках шкафы с книгами. На огромных овальных столах разложены географические атласы и иллюстрированные издания большого формата. В одной из зал — застекленный шкаф с древностями: монеты, кресты, иконы, домашняя утварь. А в старинных комодах — коллекции русских и античных монет. В другой зале, на стене, портрет основателя библиотеки А. Д. Черткова. Под портретом стояли этрусские вазы, найденные Александром Дмитриевичем в Италии. В следующем помещении — мраморный бюст Черткова работы Н. С. Пименова. В день открытия библиотеки к услугам читателей было около восемнадцати тысяч томов.

К роскошным залам Чертковской библиотеки примыкала небольшая комната, от пола до потолка забитая каталогами и книгами. Здесь сидел первый ученый-библиотекарь, которому поручили привести библиотеку в порядок и сделать ее

доступной для читателей, — Петр Иванович Бартенев (1829—1912). Можно утверждать, что никогда бы это книгохранилище не получило такую известность, если бы не труды Петра Ивановича. Его роль в деятельности библиотеки была не менее значительной, чем роль ее основателя А. Д. Черткова. Кого и чего только не знал этот человек! «Кто мне обратиться за справкой, точно крап от самовара открыть», — шутливо писал Бартенев Льву Толстому. Ведь среди знакомцев Петра Ивановича на равных правах находились как его современники, так и умершие еще в XVIII веке. Он не просто изучал историю, но жил в ней. Его отец — Иван Осипович, герой войны 1812 года, раненный под Бородином, дравшийся под Лейпцигом и дошедший до Парижа, был близок с Гаврилой Романовичем Державиным. Его дядю, Алексея Петровича Бурцова, отчаянного гусара, обессмертил поэт-партизан Денис Давыдов («Бурцов, ёра, забияка...»). Сам Петр Иванович знал екатерининских вельмож и декабристов, славянофилов и друзей А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя и И. С. Тургенева, ездил в Лондон на встречу с А. И. Герценом, давал советы молодому литератору В. Я. Брюсову... Для него раскрывались сундуки с архивами и рассказывались тайные семейные предания, потому что никто другой не умел так ненавязчиво разговаривать, очаровать собеседника, внушить безграничное доверие к себе. Библиотекарь и библиограф, историк и архивист, археограф и издатель, один из зачинателей пушкиноведения и коллекционер, переводчик и журналист — и это еще не полный перечень занятий, где блестяще проявил себя П. И. Бартенев. Вот почему талантам Петра Ивановича поражались не только современники. Однажды ночью (так об этом он сам вспоминал) императрица Екатерина II удивленно вопрошала спящего Бартенева: «Да как же ты об этом догадался?» А Петр Иванович (хоть и во сне) и ей справочку: «А записочку, матушка, помнишь, написала?» Все помнил, все знал этот удивительный человек. Потому и звали его «живой архив», «достопримечательность Москвы», «обломок старых поколений»...

Он родился в селе Королевщина Липецкого уезда Тамбовской губернии в старинной обедневшей дворянской семье. Самое яркое воспоминание детства — известие о смерти Пушкина. Слезы матери, траурное платье, бессилье непоправимости и преклонение — детское, самое восторженное, перед волшебством пушкинских строк. Это останется на всю жизнь. Уже стариком он много раз будет повторять, что в одном Пушкине не только вся русская литература, но и вся русская культура. Это в будущем, а пока учение в пансионе при Рязанской гимназии, золотая медаль и переезд в Москву, где в 1847 году Петр Иванович поступил на словесное отделение историко-филологического факультета университета. Он слушает лекции знаменитых ученых: историков Т. Н. Грановского и С. М. Соловьева, филолога и искусствоведа Ф. И. Буслаева, историка литературы С. П. Шевырева. Его первые самостоятельные студенческие работы — «Словарь к памятникам русской письменности до XIII века» и «Исследование об языке и слове Несторовой летописи» — заслужили одобрение академика М. П. Погодина. Наряду с изучением древнерусской литературы Барте́нев занимался исследованием творчества Пушкина, которому уделил значительное место в работе «Художественное сознание русских поэтов». Даже по этим первым опытам можно судить о недюжинных способностях автора. И все же в те годы, наверное, даже сам он не мог предвидеть, какую исключительную роль ему предстоит сыграть в русской науке. Несмотря на студенческие успехи, жизнь в Москве не была ни простой, ни легкой. Чтобы иметь средства к жизни, Барте́нев дает уроки и делает переводы.

Окончив университет со званием кандидата, он по рекомендации М. П. Погодина переезжает в Петербург и становится домашним учителем внуков известного государственного деятеля, будущего президента Петербургской академии наук Д. Н. Блудова. О незаурядных педагогических способностях Барте́нева можно судить по воспоминаниям его внуки, которую он готовил к экзаменам: «Украинский, церков-

но-славянский, даже чешский и сербский показывались мне в порядке сравнительного языкознания; ошибки оживали, становились очень интересными, исправления легко запомнились. «Вот в XVI веке действительно писали так, как ты писала, а теперь так не пишут», — далее следовали цитаты из летописей. Два часа проходили совершенно незаметно...» Но в доме своих воспитанников учитель все чаще превращался во внимательнейшего ученика. Блудов знакомит Петра Ивановича со стариком графом Рибопьером, отлично помнившим царствование и двор Екатерины II. Сам Блудов охотно рассказывал о времени Павла I и Александра I. Эти рассказы материализуются значительно позже, когда безвестный учитель станет знаменитым «составителем и издателем» первого исторического журнала — «Русский архив».

А пока главное занятие Петра Ивановича — сбор материалов о Пушкине. Он знакомится с друзьями Александра Сергеевича — П. В. Нащокиным, С. А. Соболевским, П. А. Плетневым, П. Я. Чаадаевым. Спасает уцелевшие письма (у Нащокина Бартенев нашел обрывки писем поэта, в которые были завернуты свечи). Записывает воспоминания людей, знавших Пушкина. Беседует с его первым биографом — П. В. Анненковым. Результаты этих изысканий появляются в журнале «Отечественные записки» и газете «Московские ведомости». Работы Бартенева «Род и детство Пушкина», «Александр Сергеевич Пушкин. Материалы для его биографии» сразу же привлекли к себе внимание специалистов. Выходит в свет его исследование «Пушкин в Южной России», появляются многочисленные статьи и заметки, исключительно ценные новизной материала. Не случайно почти все первоисточники о Пушкине связаны с разысканиями П. И. Бартенева. Советский литературовед М. А. Цявловский считал, что «среди пушкинистов не было и, конечно, не будет ему равного».

После двух лет преподавательской деятельности в 1854 году Бартенев поступил на службу в Московский архив министерства иностранных дел. Работа с подлинными доку-

ЕВКОВИЦАМ
БИБЛИОТЕКА РОССИИ,

№ 14
КАТАЛОГЪ КНИГЪ

№ 44

СЪСТАВЛЕН НАШЛО ОТДЕЛЕНІЕМЪ ВО ВСЕЛЪ ОФИСІИ
НИЗЪ И ПОДРОБНОСТЕЛЪ.

МОСКВА

Въ Училищнелъ Топическелъ
1838.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ

ПОСВЯЩЕННЫЙ ПЕРМУШЕСТВЕННО

ВЪЗРАЩЕНІЮ РОССИИ

ВЪ XVIII И XIX СТОЛІТІЯХЪ.

СЪСТАВЪ ПРИ ЧЕРТКОВОСКОЙ БИБЛИОТЕКЪ

МОСКВА.

Въ Типографіи Н. Греховскіа К^о.

1842.

Титульные листы каталога «Всеобщая библиотека России...»
и журнала «Русский архив»

ментами способствовала не только серьезному знакомству с политической историей России, но и помогала продолжать историко-литературные занятия. Еще ранее Петр Иванович сошелся со славянофилами. «Сближение с Хомяковым, братьями Киреевскими, Елагиными и семьею Аксаковых,— вспоминал он,— почитаю счастьем своей литературной и общественной жизни». В доме Аксакова Бартепев познакомился с Н. В. Гоголем.

В 1858 году материальное положение Петра Ивановича упрочилось настолько, что он решил уйти из архива и для продолжения образования уехать за границу. Бартепев слушает курс лекцій в Берлинском университетѣ, занимается в Париже и Праге. Знакомится Петр Иванович и с организацией европейских библиотек, что пригодится ему по возвращении на родину. Он дважды посещает Лондон, где встре-

частся с А. И. Герценом. Именно Бартепев передает Герцену для публикации мемуары Екатерины II, переписанные по просьбе Петра Ивановича А. П. Елагинной. «Записки» Екатерины II, раскрывающие тайны царствующей династии, с огромным интересом читались как за границей, так и в России. По личному распоряжению Александра II эту книгу скупали и уничтожали агенты Третьего отделения. Искали и того, кто передал в руки Герцена рукопись, но безуспешно.

Возвратившийся в Москву Бартепев уже был известен многим ученым как знаток русской истории и литературы. Вот почему в 1859 году Григорий Александрович, сын А. Д. Черткова, предложил ему занять место заведующего его библиотекой. Без преувеличения можно сказать, что за время пятнадцатилетней службы в этом уникальном книгохранилище Бартепев и стал тем знаменитым на всю Россию человеком, не упоминая имени которого нельзя говорить об истории русской культуры второй половины XIX века.

Петр Иванович навел идеальный порядок в Чертковской библиотеке. Книги были размещены и описаны по наиболее прогрессивному способу, принятому в библиотеке Британского музея. Два каталога — алфавитный и систематический — позволяли легко найти нужное издание. Библиотека постоянно росла. Ей дарили книги историк П. П. Пекарский, библиографы Г. Н. Геннади и В. И. Межов, писатели В. Ф. Одоевский и В. И. Даль, археографы П. М. Строев и Е. В. Барсов. В этом богатейшем собрании, где насчитывалось уже 21 350 томов, Бартепев расширил круг своих научных работ, издав со своими историко-литературными примечаниями «Записки Г. Р. Державина» и еще несколько ценнейших рукописей. Составил в трех книгах второе, дополненное издание «Всеобщей библиотеки России». Большую помощь Петру Ивановичу в подготовке этого нового каталога оказал библиофил, друг Пушкина С. А. Соболевский.

В библиотеке занимались известные писатели, ученые. Благодаря подвижнической деятельности Бартепева старин-

ный особняк Черткова стал известен, как место, где можно было не только воспользоваться редчайшими книгами, но и получить квалифицированную справку, нужный совет. Здесь в феврале 1864 года состоялось знакомство Петра Ивановича с Л. Н. Толстым. Бартенов-библиотекарь подбирал исторический материал для Толстого, работавшего над «Войной и миром», став, по просьбе писателя, его редактором и историческим консультантом. Сколь большие полномочия получил Петр Иванович при создании «Войны и мира», показывает следующее письмо Толстого к знаменитому библиотекарю: «Даю вам *carte blanche* вымарывать все, что покажется опасным. Вы лучше меня знаете, что можно и нельзя». В письме к С. А. Толстой Лев Николаевич сообщает: «...корректуры буду держать я сам и потом Бартенов в смысле исправности и даже правильности языка, который я ему смело разрешил исправлять». А сколько документов и книг подобрал Бартенов Льву Николаевичу! Сам Толстой свидетельствовал: «Везде, где в моем романе говорят и действуют исторические лица, я не выдумывал, а пользовался материалами, из которых у меня во время моей работы образовалась целая библиотека книг, заглавия которых я не нахожу надобности выписывать здесь, по на которые всегда могу сослаться». И в этой исторической точности, доказательности каждого факта немалая заслуга библиотекаря Чертковского книгохранилища.

Не только Толстой пользовался ценнейшими указаниями Петра Ивановича. Писатель Г. П. Данилевский благодарил Бартенева, посылая ему в подарок свои последние книги: «Все это я Вам послал в знак моего многолетнего и глубочайшего к Вам почтения, за Вашу неоценимую деятельность на пользу русской истории и литературы. Тому только может быть ясна эта польза и приносимое Вами не одному поколению писателей добро, кто вздумает, подобно мне, начать исследование в документах исторических для историко-литературного труда». Эти теплые слова объясняют, почему Петр Иванович имел свыше двух тысяч корреспондентов, среди

которых известнейшие писатели и журналисты, художники и ученые, общественные деятели и политики.

Яркими личностями были и помощники Петра Ивановича. Один из них, преподаватель яснополянской школы Николай Павлович Петерсон. В Чертковскую библиотеку его рекомендовал Л. Н. Толстой, характеризуя как «прекрасного, честнейшего, искреннейшего и добросовестнейшего человека и очень не глупого». Другого — Николая Федоровича Федорова, впоследствии будут называть «изумительный философ» и «идеальный библиотекарь». В библиотеку он приходил за два часа до открытия, чтобы подобрать читателям необходимые книги. А уходил последним, чтобы иметь время порыться в каталогах и справочниках. Результаты этой работы становились известны читателям весьма своеобразно. Часто в кипе заказанных книг по теме они находили издания, о существовании которых и не подозревали. Николай Федорович не только мог посоветовать, где искать книгу, если ее не было в Чертковской библиотеке, но и покупал такое издание на свои деньги. Не признававший собственности ни на вещи, ни на идеи, он был совершенно бескорыстен, отказываясь и от издания своих трудов, и от прибавки к жалованью, считая, что эти деньги лучше дать кому-нибудь из семейных сослуживцев. В быту Федоров довольствовался самым необходимым, питаясь хлебом и чаем и обходясь даже без постели. Но если кто-нибудь называл его аскетом, он сердился. Какой аскетизм! Он имел счастье работать в величайшей лаборатории, созданной человеческой мыслью, — библиотеке. Его жизнь многогранна и деятельна. Разве не здесь осозналась мир и проектировалось его будущее? «Все должно быть предметом знания и все — познающим», — убеждал Николай Федорович, скромный помощник библиотекаря Чертковского книгохранилища.

Здесь же, при библиотеке, на средства Г. А. Черткова с 1863 года стал издаваться первый исторический журнал в России — «Русский архив». Редактировать этот журнал поручили Петру Ивановичу (позднее журнал перейдет в его

собственность). В течение 50 лет Бартепов являлся единственныи и бессменныи «составителеи и издателеи». Именно так — «составитель и издатель», но ни в коем случае не «редактор». Всю жизнь Бартепов воевал против иностранных слов. «Ах, батюшки, к чему эти иностранные словечки! Раз говоришь по-русски, то и говори. «Оригинальность», а почему бы не сказать «самобытность»? «Орфография» — это к чему? Не понятнее ли будет «правописание»?»

Но как бы ни называл себя Петр Иванович, все равно никакое определение его деятельности не уместилось в одно-два слова. Ведь и разыскивал материал для печати, и редактировал, и держал корректуру, и рецензировал, и снабжал примечаниями — он один. И так все 50 лет — до самой смерти. В. Я. Брюсов писал, что «в свой «Архив», из года в год, как трудолюбивый муравей, он тащил все новые и новые материалы по русской истории и по истории русской литературы, и многое, очень многое из того, что теперь вошло во всеобщий обиход, впервые появилось на страницах его издания». Здесь публиковались дневники, мемуары, письма выдающихся деятелей прошлого, исторические и биографические очерки, неизвестные прежде рукописи произведений отечественной словесности. Материалы, необходимые для изучения общественной жизни и истории России XVIII и XIX столетий. Вот почему журнал был и остается настоящей энциклопедией этого времени.

Великолепный знаток фактов, Бартепов не любил исторических обобщений. Но уж факты знал и умел подать как никто другой. Внучка Петра Ивановича Н. Яшвили вспоминала: «У нас, внучат, было своеобразным спортом спрашивать у деда родословную самых различнейших деятелей, — и Бартепов легко позволял себя уговорить. — «Ну слушай! При Екатерине Второй жил некий помещик Пензенской губернии Петр Петрович В. Он был женат на девице Авдотье Петровне П. Род их записан в VI книгу; выходцы из Золотой Орды. Неоднократно предки упоминаются в летописях. Сыновья его Семен Петрович и Алексей Петрович служили в

гвардии. Алексей Петрович женился на богатейшей наследнице Павла Александровича Ш., Екатерине Павловне. От этого брака родилось два сына: Иван Алексеевич и Петр Алексеевич.— И после короткой паузы, тоном глубокого убеждения: — Оба величайшие мерзавцы!» При желании можно было от него узнать великое множество подробностей об упомянутых лицах».

Знаток прошлого, Петр Иванович всю жизнь стремился не только узнать, но и сделать известными для читателей свои бесценные находки. Чего стоят только воспоминания о А. С. Пушкине, стихотворения и переписка гениального поэта, увидевшая свет благодаря Бартеневу! И еще одна, яркая, хотя и небезопасная, тема — декабристы. Бартенеv напечатал в своем журнале, несмотря на цензурные препоны, мемуары И. И. Горбачевского, И. Д. Якушкина, М. И. Муравьева-Апостола, Н. В. Басаргина...

Исследователь А. Д. Зайцев в интереснейшем обзоре фонда Бартенева в Центральном государственном архиве литературы и искусства, напечатанном в четвертом выпуске сборника «Встречи с прошлым» (М., 1982), привел любопытные письма к «составителю и издателю», касающиеся этих публикаций, в частности возмущенные и недоумевающие. Так, начальник Главного управления по делам печати М. Н. Лонгинов, либерально настроенный в молодости и сам будучи известным ученым, вежливо выговаривал Бартенеvu: «Об одном прошу Вас: оставьте в покое декабристов, или лучше — не давайте им нарушать нашего покоя. Пора! Об них все сказано — и больше чем нужно даже. Они обрадовались, что можно писать (что очень понятно), и теперь дело доходит уж до того, что они описывают, что творилось у них на кухне, и занимают публику рассказами о починке подштанников у людей, которых и имена (за исключением десятка) услышались только благодаря тому, что они куролесили 24 часа, сами не зная, чего хотят и куда ведут вожаки». И хоть писали о разном и в разное время, — есть то, что объединяет «ругательные» письма. Уверенность их авторов в праве не

только судить прошлое и настоящее, но и диктовать свое миропонимание потомкам. Бартенева отделился обещаниями, с чем-то соглашался, но продолжал делать свое дело.

Он никогда не был не только революционером, но и сочувствующим. Так с Л. Н. Толстым Бартенева разошелся из-за непочтительного высказывания писателя об Александре III. Но это мало что объясняет в личности Петра Ивановича. Его политические взгляды столь же трудно уложить в определенные рамки одного-двух слов, как и его профессиональную деятельность. Хорошо знавший его литературовед и историк В. В. Каллаш писал: «Консерватизм не мешал ему цитировать очень злые, даже убийственные для высокопоставленных лиц эпитафии Соболевского... он приводил факты меткие и яркие, за которые мог с радостью ухватиться не только либерал, но и радикал».

Говоря о деятельности Бартенева в Чертковской библиотеке и в «Русском архиве», нужно помнить, что наряду с этими, беспримерными по огромному объему делами он издал «Собрание писем царя Алексея Михайловича», четыре сборника «Оснадцатый век», две книги «Деятельный век», сорок томов «Архива князя Воронцова» — материалы, и по сегодняшнему дню не потерявшие научной ценности. Этот великий труженик обладал редкой работоспособностью!

Издание «Русского архива», научная деятельность Бартенева неотделимы от работы Чертковской библиотеки. И не случайно Петр Иванович стал первым ее биографом, со столь ценными им и ценными для нас подробностями рассказав в своем журнале как о Чертковском собрании, так и о прекрасном здании, в котором оно размещалось. Когда библиотеку, подаренную Г. А. Чертковым Москве, в 1873 году слили с Румянцевским музеем (ныне находится в Государственной публичной Исторической библиотеке), Петр Иванович был вынужден оставить свое место. Усердный читатель этой библиотеки М. Н. Лонгинов писал: «Не можете себе представить, как грустно мне то, что Вы разлучаетесь с Чертковской библиотекой! Она будет без Вас, как тело без

души. Вы ее создали, устроили, усовершенствовали, увеличили, а что еще важнее — оживили». О том, что Чертковская библиотека покидает свой дом, грустили многие. Коллекционер П. И. Щукин в своих воспоминаниях отметил: «Жаль также, что на Мясницкой закрылась Чертковская библиотека; хотя ею можно пользоваться, но все же в Москве стало одной общественной библиотекой меньше. Зала для чтения в Чертковской библиотеке была обширная, отлично устроена и заведывал П. И. Бартенев, составивший прекрасный каталог». Так заканчивается деятельность Бартенева-библиотекаря в старинном особняке на Мясницкой.

Петр Иванович проживет еще очень долго. Лысый, сутулый, хромо́й старик будет удивлять своих слушателей способностью часами наизусть читать стихи любимых поэтов (Пушкина прежде всего), сохраняя всю прелесть интонаций и ударений того времени, когда эти строчки создавались. По 12—15 часов в сутки он будет править гранки, отбирать материалы и «немного дрожащим, но еще твердым почерком» создавать «свои маленькие примечания, те лукавые строки, помеченные «П. Б.», в которых часто в форме едва уловимого намека скрываются целые откровения для истории нашей страны» (В. Я. Брюсов).

Он умрет, не дожив двух месяцев до 50-летия созданного им журнала, даже в предсмертном бреду волнуясь о неотправленных в типографию корректурах. Его огромная коллекция рукописей, личная библиотека, 598 томов изданного им журнала перейдут по наследству сыну, замечательному пианисту Сергею Петровичу Бартенову, автору монографии о художественных памятниках Московского Кремля. Позже эту громадную коллекцию внуки Петра Ивановича подарят крупнейшим государственным архивам страны... Так продолжится, неоднократно напоминая о себе уже в другое время, в других домах, для других людей, история Чертковской библиотеки. Но это уже за рамками нашего повествования. Впрочем, об одном случае хотелось бы рассказать.

В 1873 году в Москву приехал для самообразования моло-

дой человек, питавшийся по недостатку средств одним черным хлебом, но регулярно приходивший в библиотеку, о которой, уже будучи стариком, написал в воспоминаниях:

«В Чертковской библиотеке много читал «Араго» (Доми-ник Франсуа Араго — французский физик и астроном XIX века. — А. Ш.) и другие книги по точным наукам.

Кстати, в Чертковской библиотеке я заметил одного служащего с необыкновенно добрым лицом. Никогда я потом не встречал ничего подобного. Видно, правда, что лицо есть зеркало души. Когда усталые и бесприютные люди засыпали в библиотеке, то он не обращал на это никакого внимания. Другой библиотекарь сейчас же сурово будил.

Он же давал мне запрещенные книги. Потом оказалось, что это известный аскет Федоров — друг Толстого и изумительный философ и скромник. Он раздавал все свое крохотное жалованье беднякам. Теперь я вижу, что он и меня хотел сделать своим пенсионером, но это ему не удалось: я чересчур дичился».

Автор этих строк — гениальный ученый Константин Эдуардович Циолковский. И хотя в 1873 году библиотека уже не принадлежала Черткову и находилась в Румянцевском музее, москвичи продолжали называть ее по-прежнему — Чертковская. Константин Эдуардович никогда не бывал в особняке на Мясницкой, но, думается, можно без натяжки назвать Циолковского знаменитым читателем Чертковского книгохранилища.

СОДЕЙСТВОВАТЬ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ЗНАНИЙ

Во второй половине прошлого века порог этого здания переступают самые знаменитые люди, не только москвичи, но и приезжие. Дом и при существовании в нем Чертковского книгохранилища и после того, как библиотеку увезли из особняка, притягивает к себе известнейшие общественные организации. События, здесь происходящие, освещаются на

страницах крупнейших газет. При Чертковых особняк стал признанным культурным центром Москвы. Когда Г. А. Чертков предложил бесприютному Обществу русских врачей в Москве (основано 7 апреля 1861 года) бесплатное помещение, предложение с благодарностью приняли. С 1862 по 1865 год в библиотечной зале проходили заседания общества, поставившего своей главной задачей «способствовать самостоятельным трудам отечественных врачей на пользу медицине» и «через науку служить человечеству». Основателем общества стал замечательный врач Федор Иванович Иноземцев (1802—1869). Он первым в России в 1847 году произвел операцию под эфирным наркозом. В 1857 году создал «Московскую медицинскую газету». Наука для Федора Ивановича была святыней: «Честность в науке неразлучна с честностью в жизни, и врач в своей практической деятельности прежде всего должен быть другом человечества». Вот почему на заседаниях общества не только обсуждались научные вопросы, но и разрабатывались практические меры по борьбе с чумой, алкоголизмом, детской смертностью, по лечению скарлатины и малярии. Членами общества являлись врачи с мировым именем — Н. И. Пирогов и С. П. Боткин. Активным деятелем был и известный бальнеолог С. А. Смирнов. Вероятно, именно он стал инициатором открытой в эти годы при доме аптеки-магазина «Кавказские натуральные минеральные воды Ессентуки № 17 и др.»

В 1873 году особняк перешел к родственнице Чертковых княгине Наталье Алексеевне Гагариной. Два года спустя по проекту архитектора В. И. Соколова дом был перестроен, благородные его линии утонули в обильной безвкусной лепнине. Со стороны Милютинского переулка (ныне ул. Мархлевского) пристроили к правому крылу особняка безликий корпус, где теперь находится столовая, а в то время помещался популярнейший в Москве магазин семян и растений Иммера. Антон Павлович Чехов заказывал здесь клубни и семена для своего сада в Мелихове, а затем в Ялте. Владелец этого магазина играл не последнюю роль в деятельности

Общества любителей садоводства в Москве, которое обосновалось в особняке на Мясницкой с 1860 года.

Главная цель созданного в начале 30-х годов прошлого века Общества любителей садоводства в Москве — организация в России правильного, основанного на научных началах садоводства, в котором в то время, особенно в сельской местности, была острая необходимость. Устроители выбрали центром своей деятельности Москву потому, что считали ее сердцем России: именно отсюда «благое начинание со всеми полезными его применениями должно было разветвляться, пускать глубокие корни и распространяться по необъятному пространству всей земли русской».

Первоначально общество размещалось далеко от города, на подмосковной даче Студенец, что не только затрудняло общение его членов между собой, но и мешало его расширению. После того как Эрнст Иванович Иммер, директор центрального семенного депо этого общества, бесплатно предоставил арендуемое им помещение для собраний и библиотеки общества, оно активизировало свою деятельность. В русскую культуру было введено большое количество сортов огородных и хлебных растений. Часть семян доставлялась на Мясницкую из-за границы, другая — возвращалась сюда из различных областей России. Так благодаря обществу в Екатерининском парке (ныне сад Центрального Дома Советской Армии имени М. В. Фрунзе) создали первую опытную семенную станцию, занимавшую площадь четыре с половиной десятины. В доме на Мясницкой на заседаниях общества слушали интересные доклады, делились опытом. Здесь же находилась богатейшая библиотека по всем отраслям садоводства (жемчужиной этого собрания была «Помология» — рукописный экземпляр с раскрашенными рисунками одного из основоположников отечественной агрономической науки А. Т. Болотова — теперь хранится в Библиотеке имени В. И. Ленина). Библиотека ежегодно пополнялась прекрасными переизданными каталогами семян с многочисленными рисунками и краткими указаниями, в большинстве своем составленными сыном Иммера, Александром Эрнстовичем.

Конечно, успешная работа общественной организации напрямую не зависит от месторасположения. Но в данном случае сами ее члены отмечали во время одного из своих юбилеев, что «число садовых заведений любителей и торговцев, благодаря удобству, скорости и успешности сношений, при незначительных затратах, росло с каждым годом».

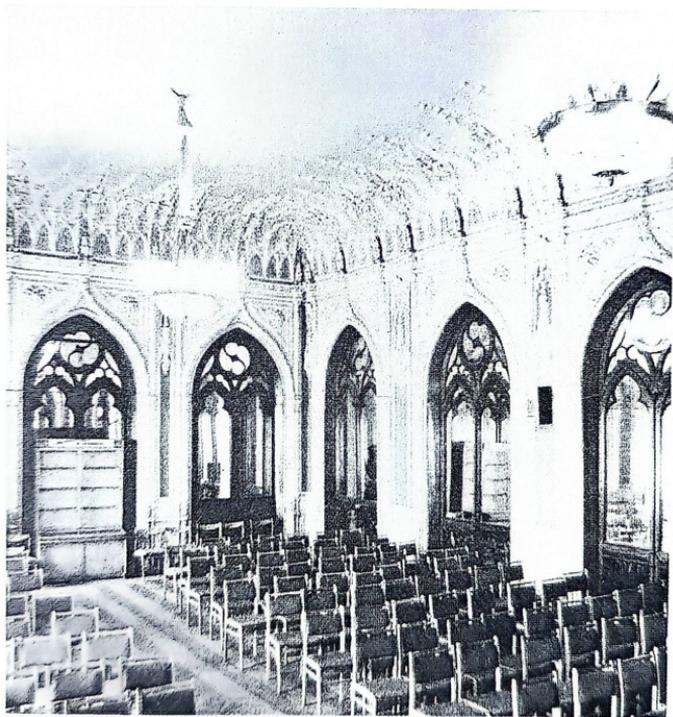
В огромном особняке хватало места для всех. В 1873 году здесь открывается книжный магазин с библиотекой для чтения Федора Ивановича Салаева. Книгоиздательская и книготорговая фирма Салаевых была основана в Москве еще в 1828 году и издавала главным образом русских классиков — Д. И. Фонвизина, Н. В. Гоголя и многих других. В 1858 году, после смерти основателя фирмы И. Г. Салаева, дело перешло к его сыновьям, из которых главную роль играл Федор Иванович. Будучи другом И. С. Тургенева, Ф. И. Салаев выпустил три издания собрания сочинений писателя и начал подготовку четвертого, которое вышло в свет уже при его преемнике В. В. Думнове, ставшем крупным московским издателем учебной литературы. Сам Тургенев свидетельствовал: «Я очень был доволен моими сношениями с Салаевым и желал бы сделать ему все удобное». В 1880-х годах в доме располагался и книжный магазин А. А. Карцева.

После перестройки дома Н. А. Гагарина заложила особняк, но выкупить его уже не смогла. В 1880 году «московской 1-й гильдии купчиха» Клавдия Никоновна Обидина заплатила Городскому кредитному обществу при покупке здания с землею и строениями гигантскую сумму — 722 тысячи рублей серебром, не считая пошлин. История появления у Обидиной огромных денег для покупки этого, а также многих других домов не лишена интереса.

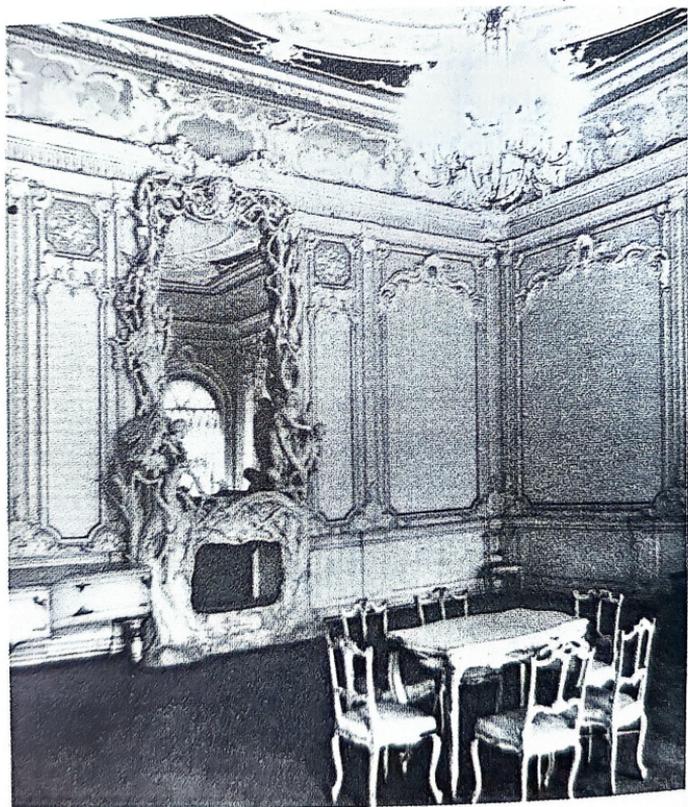
В конце января 1879 года в Москве умер «миллионщик» Григорий Никонович Карташов. Купец и ростовщик, у которого в кабале находились почти все деловые люди города, вел жизнь нищего, ходил в обносках и все свое время проводил в трактире, где питался остатками вчерашней каши и чаем. Здесь же он делал «дела». Ссужал только очень

Левый флигель дома Черткова, где располагалась его библиотека

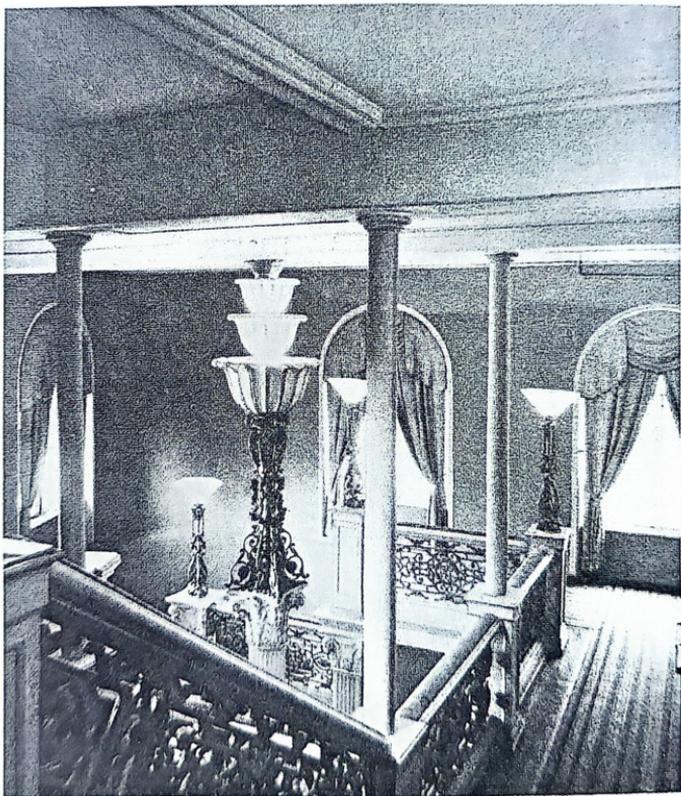
Готический зал

Белый зал

Восточная комната («арабская курильня»)

Лестница Чертковской библиотеки

Фрагмент плафона с лепниной

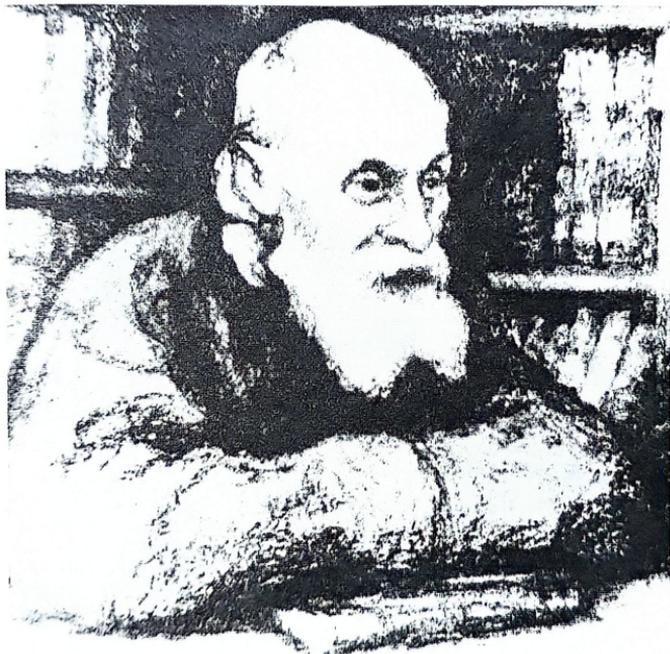
Анфилада залов

А. Д. Чертков

П. И. Баргенов

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ
ФЕДОРОВ

1828—†1903.

Н. Ф. Федоров

Ф. И. Иноземцев

Р. И. Клейн

ПРОЛЕТАРНИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПРЕДПРИЯТИЕ

Обложка журнала «Предприятие»

В. К. Таргута

Н. В. Архангельский

У. Нобиле

С. П. Королев

крупные суммы под грабительские проценты и стал одним из богатейших дельцов Москвы. Его состояние — 40 миллионов рублей — хранилось в железных сундуках в подвальном тайнике за невзрачной на вид печкой. Очень немногие знали этот секрет. Газеты, недоумевая, сообщали сенсационную новость: «В квартире недавно умершего миллионера Карташова найдены все сундуки пустыми, и вместо ожидаемых 40 миллионов собрано раскиданными на полу и в отдушинах печи всего несколько более одного миллиона». Денег так и не нашли. Но «тайна», естественно, была шита белыми нитками. Чтобы не платить налога на наследство, Обидина изъяла все ценности до того, как полиция успела опечатать квартиру. Так у сестры Карташова оказались огромные суммы наличными.

Не забывая о боге (устроила богадельню при Ваганьковском кладбище), Клавдия Никоновна занялась делами земными. Проживая в одном из многих своих домовладений, она, естественно, желала получать максимальную выгоду от инвестирования всей Москве просторного особняка в центре города. Поэтому Обидина дала доверенность управляющему В. К. Эггерсу, который и ведал сдачей дома внаем и сбором денег.

Ю. Н. Жуков в книге «Сохраненные революцией» (М., 1985) справедливо заметил, что, в отличие от чиновного Петербурга, где творческие общества были государственными, в Москве тон задавали общества добровольные, самостоятельные. Они создавались снизу, по инициативе самой интеллигенции — архитекторов, художников, писателей. Таким было и Московское архитектурное общество. При его создании в 1867 году первый председатель архитектор М. Д. Быковский в своей речи выразил надежду, что, «составляя теперь одно общество, исполняя честно и разумно свое призвание и помогая друг другу, мы будем иметь возможность приобрести более силы и надежды занять почетное, принадлежащее архитекторам место просвещенных деятелей на пользу своей страны». Так Дом, как будто предугадав скорые социальные перемены и будущую свою судьбу, попробовал

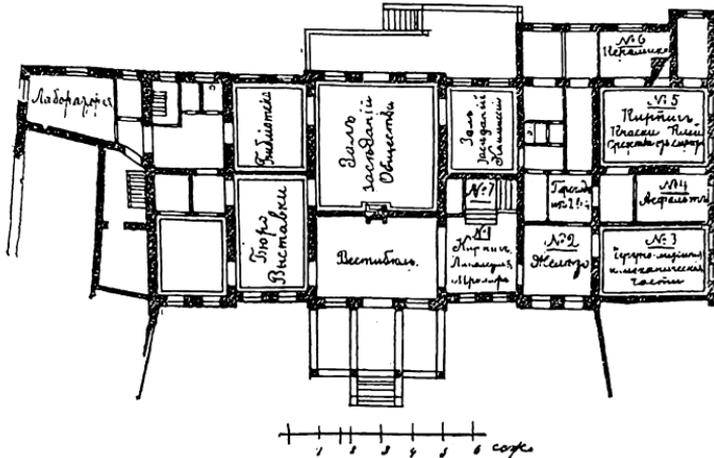
себя в роли московского центра технической мысли. Продолжая оставаться владением купчихи Обидиной, особняк стал не менее знаменитым, чем во времена существования в нем Чертковской библиотеки.

Посетители, приходившие в этот дом ежедневно с десяти до шестнадцати часов, получали вместе с входным билетом небольшую, в девяносто страничек книжку «Каталог постоянной архитектурно-художественно-технической выставки при Московском архитектурном обществе в Москве». На одной из страниц — план с указанием того, что можно увидеть в 21 комнате на двух этажах особняка, где разместилась необыкновенная выставка, открытая 19 января 1897 года.

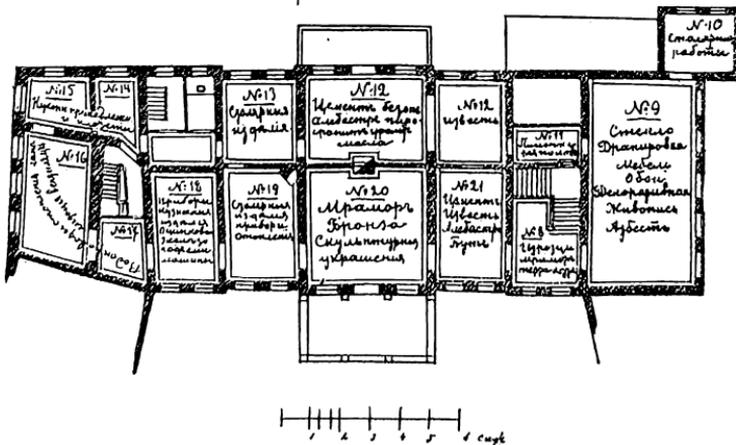
Этого события ожидали давно. О подготовке экспозиции регулярно сообщала печать. Так, 10 января 1897 года газета «Русское слово» сообщила: «Выставка эта должна была открыться еще в начале ноября прошлого года, но, ввиду того, что экспоненты медлили с расстановкой своих витрин, работы по устройству выставки оказались незаконченными и к настоящему времени... Многие из поставленных витрин отличаются роскошью и изяществом. Особенно богатыми витринами уставлены две залы: одна — отделанная в готическом стиле и другая — в французском... Существует намерение открыть выставку в половине января, независимо от того, будут ли закончены все работы по устройству выставки или нет». Работы удалось завершить, и долгожданную выставку наконец открыли.

Все, кто приходил сюда, не могли не обратить внимания на залы, где она размещалась. Предоставим слово очевидцу: «Войдя в помещение, занимаемое выставкой, прежде всего поражает его роскошью, свойственной только помещениям, занимавшимся ранее нашими родовитыми дворянами; стены и потолки зал украшены лепною работой знаменитого скульптора Делева (к сожалению, все попытки автора выяснить хоть какие-то биографические сведения о нем пока не дали результатов. — А. Ш.); особенно в этом отношении выделяется готический зал и гостиная, отделанная в стиле Лю-

Первый этаж

Второй этаж

Планы помещений Архитектурно-художественно-технической выставки

довика XV, с фантастическим камином, изображающим морское дно, украшенное сатирами и нимфами, выглядывающими из водорослей. Обращают на себя внимание еще комнаты, отделанные в немецком ренессансе. Не можем умолчать и о зале, занимаемом специально архитектурным обществом для своих заседаний. Это зало устроено в стиле Людовика XV, с превосходными барельефами на потолке, изображающими охотничьи сцены; по-видимому, в этой зале помещалась ранее столовая; рядом с нею — арабская курительня, сплошь украшенная арабесками и надписями. По другую сторону того же зала помещается библиотека общества, отличающаяся необыкновенным богатством... рядом с библиотекой находится лаборатория, где членами архитектурного общества в настоящее время производятся различные опыты выставленных образцов строительных материалов».

Здесь можно было познакомиться с лучшими строительными материалами: металлом и деревом, кирпичом и мрамором; узнать о ценах и условиях производства изразцов, стекла, красок, клея, цемента, бетона; получить консультацию у художников-архитекторов и посмотреть на драпировки, мебель, обои, бронзу, столярные изделия, вентиляционные устройства и водопроводные системы, кухонные принадлежности и приборы отопления. Множество экспонатов, собранных в одном месте, давали возможность сравнить изделия разных фирм. Архитекторы и заказчики быстро выбирали то, что им необходимо. Выставка выполняла и просветительскую задачу, записанную в первом параграфе устава Московского архитектурного общества: «...содействовать разработке и распространению художественных и технических познаний, относящихся к архитектуре».

Подготовка выставки велась несколько лет. Трудность заключалась в том, что устройство подобной экспозиции осуществлялось впервые в России. Свободных денежных средств общество не имело, а значит, начинание должно было непременно окупить себя. Первый опыт провели в 1894 году на Моховой (ныне просп. Маркса) в доме Бенкендорфов. Ор-

ганизовав эту выставку, общество убедилось, что рассчитывать на ее успех можно только в том случае, если она будет достаточно велика и разнообразна. В 1895 году на 2-м съезде русских зодчих в Москве была устроена еще одна временная выставка, доказавшая необходимость такого начинания. Немаловажную роль в успехе играл и тот факт, что местом проведения выставок выбрали Москву — центр торгово-промышленного и строительного капитала, узел железных дорог, тянувшихся из фабрично-заводских районов России и связывающих центр страны с ее окраинами.

Уже опираясь на этот, хотя и весьма скромный опыт, общество разработало программу Постоянной выставки, в которой, по мысли организаторов, должно быть три раздела: строительные материалы и работы; предметы санитарных условий зданий; предметы по наружной и внутренней отделке зданий и обстановка помещений. Здесь же, при экспозиции, решено оборудовать лабораторию, испытывающую те строительные материалы, которые предлагались в качестве экспонатов. Для такой большой выставки требовалось соответствующее помещение в центре города. Так, в августе 1896 года общество заключило контракт с Обидиной и переехало в особняк на Мясницкой.

На заседаниях Московского архитектурного общества в залах этого дома собирались люди, чьи имена вошли в историю архитектурной жизни Москвы: К. М. Быковский, И. Е. Забелин, А. А. Мартынов, Н. Л. Бенуа, Н. В. Никитин, П. С. Уварова, И. П. Машков.

Душой нового дела стал человек, как своим рождением, так и всей жизнью зодчего и общественного деятеля связанный с Москвой. Это академик архитектуры, избранный 7 апреля 1896 года председателем Московского архитектурного общества, Роман Иванович Клейн (1858—1924).

Спустя много лет, 15 ноября 1928 года, на заседании общества «Старая Москва», посвященном памяти этого человека, его вдова Надежда Николаевна Клейн расскажет, пользуясь материалами семейного архива (хранится в Государ-

ственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина), историю жизни выдающегося архитектора. Свое выступление она закончит словами: «Хочется верить, что Москва когда-нибудь вспомнит своего строителя и общественного деятеля и воздаст должное его памяти».

Москва не забыла Романа Ивановича Клейна. Мемориальная доска на Музее изобразительных искусств напоминает о нем всем, кто входит в это величественное здание. Статьи в специальных и популярных изданиях, рассказывающих о его жизни и трудах, общедоступны. Но книги об этом замечательном человеке до сих пор нет. Вот почему некоторые факты его биографии неизвестны даже специалистам. В частности, деятельность Клейна в Московском архитектурном обществе и его участие в подготовке Постоянной выставки на Мясницкой.

Р. И. Клейн родился в Москве в семье потомственного почетного гражданина. В уютном особняке на Малой Дмитровке (теперь ул. Чехова, 27) собирались известные литераторы, деятели искусства. В домашних концертах выступали Антон и Николай Рубинштейны. Музыка стала первым серьезным увлечением талантливого мальчика. Обладая незаурядными способностями, он довольно долго мечтал стать профессиональным музыкантом. Но решающее влияние на выбор жизненного пути оказал дворцовый архитектор М. О. Вивьен. Частый гость в доме родителей, он подолгу разговаривал с мальчиком, много с ним занимался, водил смотреть постройки, и наконец юный Роман Клейн стал мечтать только об одном — стать таким же архитектором, как Вивьен. Гимназические карикатуры на преподавателей сменяются серьезными уроками рисования в Училище живописи, ваяния и зодчества на Мясницкой (№ 21). Во время поездок за границу он покупает книги по искусству и архитектуре, положив начало замечательной библиотеке, которую будет пополнять всю жизнь. После окончания гимназии Клейн, мечтающий о самостоятельной жизни, уходит из дому, уверенный, что сможет не только добиться успеха в избранной

им специальности, но и заработать себе на хлеб. Вот почему он устраивается, как бедный студент, в крохотной комнатке и категорически отказывается от материальной помощи родителей, несмотря на все их просьбы. В 1875 году Клейн работает чертежником на строительстве Исторического музея под руководством архитектора В. О. Шервуда. Это стало для Романа Ивановича первой серьезной практической школой. Наряду с основной работой Клейн делает рисунки для конфетных коробок, выполняет заказы для типографии, участвует в работах других архитекторов.

В 1882 году Клейн закончил Академию художеств со званием классного художника и продолжил занятия в Италии и Франции, в частности, в мастерской строителя Большой оперы в Париже Шарля Гарнье. Впоследствии Роман Иванович с гордостью вспоминал, что он — ученик этого архитектора. Вернувшись в Россию после двухгодичной практики, Клейн начал самостоятельную деятельность.

Он строит во многих городах — особняки, торговые здания, гимназии и лечебницы. Но лучшие его творения созданы в Москве: здание торгового дома «Мюр и Мерилиз» на Петровке (нынешний ЦУМ), Бородинский мост через Москву-реку, кинотеатр «Колизей» (теперь театр «Современник»), Колоннада в усадьбе «Архангельское». Более 60 крупных зданий — малый город в большом — построено Романом Ивановичем в Москве. Но славу ему принес Музей изящных искусств на Волхонке. С 1896 по 1898 год (в то же время, когда он руководит созданием и работой выставки на Мясницкой) Клейн участвует в конкурсе проектов музея. Академия художеств, представляя в 1907 году его к званию академика и награждая золотой медалью, характеризовала зодчего так: «Принадлежит к числу архитекторов Москвы, пользующихся наибольшей известностью; репутацию энергичного, образованного, опытного и выдающегося особым художественным вкусом зодчего он приобрел многочисленными работами, непрерывно веденными им в течение 22-х лет самостоятельной деятельности». Эти слова подтверждают и

воспоминания известного архитектора Г. Б. Бархина, построившего дом для газеты «Известия». «Вскоре я убедился,— пишет Бархин,— что Роман Иванович действительно имел самую обширную архитектурно-строительную практику; из архитекторов в Москве в то время, может быть, в этом отношении с ним мог сравниться только архитектор Шехтель».

Трудно было найти более подходящего человека для руководства Постоянной выставкой, чем Клейн. В своем эссе-эземпляре Энциклопедического словаря Брокгауза — Ефрона в статье «Архитектура» он подчеркнул: «Всякий хороший архитектор должен обладать врожденным тактом, т. е. умением держать себя с людьми. В силу условий его специальности, в которой нуждаются все, архитектору приходится иметь дело со всеми слоями общества». Сам Роман Иванович этим тактом обладал. Большое число посетителей в особняке на Мясницкой, прекрасно составленная экспозиция, хорошо изданный каталог и ширящаяся известность Постоянной выставки свидетельствовали о необыкновенном организаторском таланте Клейна. Искусствовед Л. М. Смирнова так оценивает деятельность Р. И. Клейна: «Связь зодчего с передовыми научными и художественными кругами, его приверженность просветительным идеям и вместе с тем, как правило, пиетет по отношению к исторической традиции ставили его в число ведущих архитекторов Москвы своего времени».

Благодаря выставке, работавшей в особняке с 1897 по 1899 год, в лаборатории проводились многочисленные опыты с отечественным сырьем для производства строительных материалов. Так, например, было доказано, что некоторые сорта русской глины ничуть не хуже английской и что многие изделия, покупаемые в Англии, можно во много раз дешевле производить у себя. Эти опыты и демонстрация экспонатов дали обоснование для расширения производства русских материалов. Применение их вместо иностранных привело к большей самостоятельности русского строительного дела.

Но наибольшую популярность Дому принесло, без сомнения, пребывание в нем Литературно-художественного круж-

ка, который с 1899 по 1917 год являлся одним из наиболее ярких очагов культурной жизни Москвы. Кружок не раз менял помещение. И хотя расцвет его деятельности падает на время, когда он находился уже в доме № 15 на Большой Дмитровке (ныне Пушкинская ул.), особняк на Мясницкой стал гостеприимным пристанищем кружка на целый год, с мая 1900-го по май 1901-го. Корреспондент «Петербургской газеты» сообщал: «Москва дождалась своего литературно-художественного клуба. Сколько раз погибала инициатива подобного учреждения! Погибала, но жила, возрождаясь снова, и наконец утвердилась. Собрание насчитывает уже более 300 членов, имеет запасной капитал чуть ли не в восемьдесят тысяч рублей. С этим нужно считаться. Говорят, что процветанию собрания содействуют карты; пусть будет так, но это только подмога, потому что дело и без того стало твердо, собрало вокруг себя театрально-литературный мир, чувствующий себя дома, в своей семье».

Осенью 1899 года первым приютом кружка стал дом графини Игнатьевой на углу Воздвиженки (ныне просп. Калинина) и Большого Кисловского переулка (ныне ул. Семашко), но из-за тесноты решили подыскать более вместительный дом. Заключили контракт с Обидиной. В 1899 году специально для кружка архитектор Ф. О. Шехтель оформил главную лестницу дома. Если первоначально посторонних на истречи кружка не пускали, то с мая 1900 года, когда он переехал в просторное и дорогое помещение на Мясницкой, все стало проще. Писатель Н. Д. Телешов вспоминал: «Здесь чувствовал себя все как дома, вполне непринужденно, по-товарищески, поэтому нередко среди вечера вдруг составлялся то внезапный концерт, то хор из выдающихся солистов оперы, то беседа, то просто товарищеский ужин...» Неудивительно, что сюда старались попасть хотя бы ради того, чтобы увидеть знаменитых современников, основателя театрального музея А. А. Бахрушина, одного из основателей Московского Художественного театра В. И. Немировича-Данченко, актрису А. А. Яблочкину... Во главе дирекции встали

А. И. Южин-Сумбатов, В. А. Гольцев, Ф. О. Шехтель.

Особенно многолюдно было по субботам, когда писатели и артисты засиживались здесь до утра. И хотя в первом параграфе устава Московского литературно-художественного кружка было записано, что основная цель объединения — «способствовать развитию литературы и изящных искусств», все же на собраниях, несмотря на сердечность отношений, еще не чувствовалось той атмосферы общественной деятельности, которая появится с годами. Позднее кружок будет в меру своих возможностей отзываться на все значительные явления художественной жизни Москвы. Создаст специальную комиссию памяти А. П. Чехова, которая окажет материальную помощь многим нуждающимся писателям, художникам, артистам. Так, благодаря помощи Литературно-художественного кружка будет спасен от финансового краха Московский Художественный театр. Но все это произойдет позже, когда в 1901 году кружок переедет в еще более просторное помещение в доме Елисеева на Тверской (ныне ул. Горького, 14), а потом на Большую Дмитровку. И все же год, столь важный в период становления новой общественной организации, прошел в особняке на Мясницкой, и, несмотря на некоторые неудобства, связанные с отсутствием сцены, Дом этот остался в памяти у всех, кто в нем бывал.

Наступил XX век. Фешенебельная Мясницкая изменила свое лицо. Дворянские особняки перешли к дельцам нового времени. Улица становится центром торгово-промышленного капитала, предлагающего станки и электрооборудование, техническую аппаратуру и металлические изделия. Нарядные вывески на фасадах фирм, складов, банков — свидетельство преуспеяния. Старинный особняк не составляет исключения. Дом стараниями Обидиной все более меняет свой внешний вид, превращаясь в доходное владение. В 1906 году длинное здание магазина, построенное по проекту архитектора Ю. Ф. Дитриха, закрыло собой благородный фасад особняка. В советское время здесь помещался магазин резиновых изделий, а позже легкого женского платья (теперь здание

снесено). Вправо и влево от стен магазина на высоком каменном цоколе протянулись металлические решетки к крыльям особняка, сделав двор Дома закрытым. Полуподвальные помещения были расширены и стали сдаваться под склады торговцам. Сын и наследник Обидиной действительный статский советник Николай Сергеевич хотел построить во дворе старого особняка пятиэтажный дом по проекту архитектора Н. Евланова, но дальше проекта дело не пошло.

Главным арендатором дома на Мясницкой становится Густав Андреевич Кеппен, который, после того как Н. С. Обидин заложит особняк; воспользуется случаем и купит все здание. В 1914 году он чуть было не уничтожил уникальный памятник отечественной культуры, решив на его месте возвести пятиэтажный дом по проекту архитектора Р. И. Клейна. Реализации этого плана помешала первая мировая война. Г. А. Кеппен — дворянин, владелец «Товарищества машинных орудий и двигателей», член Учетного банка и домовладелец вошел в историю особняка только тем, что был его последним владельцем. В России «настал другой век».

ОТ ДЕЛОВОГО КЛУБА ДО МОСКОВСКОГО ДОМА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ ИМЕНИ Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО

1921 год. Молодая Советская Республика выстояла против натиска контрреволюции и интервенции, но заплатила за это большой ценой. Разрушенные фабрики, заводы, шахты, железные дороги, опустошенные поля. Отсутствие топлива и сырья для промышленности. Голод. Разруха. Новая столица — Москва — не являлась исключением. Такой запечатлел Мясницкую Владимир Маяковский:

Иду.
Мясницкая.
Ночь глуха.
Скачу трясогузкой с ухаба на ухаб.
Сзади с тележкой баба.

С вещами
на Ярославский
хлопает по ухабам.
Сбивают ставшие в хвост на галоши;
то грузовик обдаст,
то лошадь.
Балансируя
— четырехлетний навык! —
тащусь меж канавиц,
канав,
канавок.

Грустное зрелище представлял и некогда роскошный особняк. «Сохранность помещений неудовлетворительна, в особенности подвала, в котором выломана часть кирпичной стены (брался кирпич для временных печей). По-видимому, имеются неисправности в наружных стенах, под полами, так как в подвал попадают воды дождевые и снеговые, — читаем в архивном документе. — Все помещения очень загрязнены, в 1-м и 2-м этажах выломаны частью полы; водопровод, канализация и отопление, а также и электрическое освещение не функционируют вследствие значительных повреждений. Осмотренное помещение в своем настоящем состоянии не пригодно для размещения в нем учреждений и требует продолжительного ремонта».

Постарайтесь теперь, проходя по красивой и оживленной улице Кирова, представить себе, какой она была в те годы, и вы поймете, с какими трудностями пришлось столкнуться большевикам, чтобы восстановить разрушенное хозяйство. В начале 1920 года В. И. Ленин говорил на Московской губернской конференции РКП(б), что «вопрос о хозяйственном строительстве должен явиться центральным вопросом». Те, кому партия поручила наладить хозяйственную жизнь страны, скоро поняли, что без обмена пусть очень скромным, но все же опытом невозможно достичь серьезных результатов. Около ста руководителей трестов, синдикатов, торговых предприятий собрались 16 мая 1922 года. Эта встреча и положила начало Деловому клубу. Инициативу его создания поддер-

жал Московский комитет партии. Встал вопрос о помещении, где бы члены клуба могли встречаться, слушать доклады, проводить дискуссии. В ноябре 1922 года губернский архитектор получил заявление Мосстроя с просьбой «спешно произвести строительные работы по приспособлению дома № 1 по Фуркасовскому переулку (угол Мясницкой) под помещенные Делового клуба».

Очень быстро особняк привели в порядок, и на его крыше протянулась надпись металлическими буквами — «Деловой клуб». С этого времени вся дальнейшая история особняка связана с научно-технической пропагандой. Здесь лучшие рабочие, направленные руководить промышленностью, перенимали у специалистов хозяйственный опыт. В правление вошло шестнадцать хозяйственников-коммунистов. Первым председателем Делового клуба стал большевик Виктор Константинович Таратута (1881—1926), о котором В. И. Ленин отзывался, как о дельном, исполнительном работнике, «полнейшем администраторе».

На фотографии, сделанной в Париже в 1908 году, двадцатисемилетний обаятельный мужчина — щегольские усы, уверенный взгляд. Трудно поверить, что это профессиональный революционер, товарищ Виктор, член РСДРП с первого дня ее основания, с 1898 года. Его биография, насыщенная событиями, характерна для тех, кто стоял у истоков социалистического преобразования России. Выполняя партийные задания, вел революционную работу в Закавказье, в Москве был секретарем большевистского Московского комитета и активно участвовал в Декабрьском вооруженном восстании. Его неоднократно арестовывали и дважды приговаривали к ссылке. В 1907 году на V съезде РСДРП в Лондоне избран в состав ЦК. После поражения первой российской революции эмигрировал за границу, где стал членом и секретарем Заграничного бюро ЦК РСДРП, финансовым агентом Большевистского центра. Он разработал план и «зубами вырывал» (по выражению В. И. Ленина) наследство фабриканта Н. П. Шмита, завещанное большевистской партии. В 1917 го-

ду Таратута, будучи членом большевистской партии, вступил во Французскую социалистическую партию, работал в левой газете «Попюлер». А в 1919 году вернулся на родину. В те времена, когда он приходил в отремонтированный особняк на Мясницкой, Виктор Константинович уже был управляющим делами ВСНХ, заместителем председателя химотдела ВСНХ, а позже, до конца жизни, председателем правления Банка внешней торговли СССР.

Параллельно Деловому клубу с марта 1923 года в особняке начинает работу Клуб красных директоров имени М. И. Ульяновой. Его первым председателем стал старый большевик, участник первой российской революции, а после победы Октября директор фабрики Николай Васильевич Архангельский (?—1928). Человек громадной энергии и упорства, он доказывал необходимость самостоятельности предприятий и безусловной ответственности каждого хозяйственника за порученное дело. В 1924 году он писал: «Бюрократизм, волокита, мелочная опека в промышленном строительстве каждым должны быть поняты, осознаны и оценены как противодействие социалистическому строительству».

После революции к управлению фабриками и заводами пришли молодые силы, люди новой формации — их называли красными директорами. Часто без всякого образования, только с природной сметкой и громадным желанием как можно скорее построить социализм они взяли в свои руки всю тяжесть управления разрушенными предприятиями. Нужно было восстановить промышленность, дать стране дешевые товары. Печатный орган красных директоров — ежемесячный журнал «Предприятие» — писал: «Каждый кусок прочного ситца, каждая кружка, петля для окна, наконец, каждый рельс — все это прокламации культуры». Это было необыкновенное время. Рождались новые общественные отношения и новая экономика, новый тип хозяйственника-коммуниста. Эпоха проявляла себя в бешеных темпах строительства, колоссальной энергии, даже в яркой образной речи. Л. Б. Красин, выступая перед красными директорами, одним штрихом

дал портрет руководителя: «Хороший красный директор должен быть, как породистая английская лошадь, быстрый в движениях, поджарый, спокойно-сдержанный, но и готовый в любой момент развить большую энергию».

На первых собраниях сформулировали задачи, которые предстояло решать членам клуба: управление предприятием, усовершенствование техники, научная организация труда, учета, отчетности и т. д. Как практическую школу хозяйствования наметили организовать обязательные экскурсии для директоров на лучшие и худшие предприятия. В журнале «Предприятие», ставшем настольной книгой каждого руководителя, любой хозяйственник мог поделиться опытом или задать вопрос. О содержании журнала дают представление его постоянные разделы: «Административно-техническая организация предприятия», «Организация труда», «Наука и техника», «Изобретения», «Практические предложения», «По предприятиям» (здесь сообщалось о заводском быте, очерки истории фабрик иллюстрировались многочисленными фотографиями). Декреты для промышленности, торговли, труда публиковались в «Справочно-юридическом» разделе. Под рубрикой «Библиография» — аннотации новых технических книг. На вопросы читателей отвечал «Почтовый ящик». Редакция журнала сначала находилась на Тверской (ныне ул. Горького, 18), а с 1931 года переехала на Мясницкую, 7, в помещение клуба. Об успехе этого сугубо специального издания свидетельствует его восьмитысячный тираж. Только в Москве в 1931 году было продано 2370 экземпляров. Используя взаимный опыт и знания специалистов, красные директора искали и находили пути к восстановлению индустрии.

В клубе организовались секции по производственному принципу: химиков, пищевиков, металлистов, текстильщиков... Их заседания проходили каждый по понедельнику, с 19 часов. За первый год работы через объединение прошла половина директоров предприятий Москвы. Между тем клуб все более расширял свою деятельность. Сюда приходили студен-

ты Института народного хозяйства, чтобы участвовать в работе секций. Для красных директоров организовали курсы, рассчитанные на сто слушателей, где велись регулярные занятия по математике, физике, технологии производства, экономике. И хотя на них приняли 138 человек, но все равно не сумели удовлетворить всех желающих. Не хватало ни мест, ни лекторов. И все же три раза в неделю, на четыре часа, Дом гостеприимно раскрывал свои залы для слушателей. Лекции стенографировались, размножались и раздавались не только учащимся, но и тем, кто не имел возможности попасть в особняк на занятия. «Москва тех лет! Полусытые люди, рвущиеся слушать стихи, бегущие на концерты, ломящиеся на доклады, диспуты, лекции, — чудесный русский народ!» — вспоминала Анастасия Цветаева.

Клуб быстро завоевал признание. В 1924 году подобные объединения возникли в Ленинграде, Киеве, Днепропетровске... Председатель ВСНХ Феликс Эдмундович Дзержинский был своим человеком в Доме. Называли его здесь любовно — «дед», «наш хозяин». Дзержинский не только предоставил для клубов этот особняк, но и постоянно следил за их работой. Так, 2 апреля 1924 года он приехал сюда, чтобы побеседовать с работниками клубов. Откликаясь на предложение объединить две организации, Феликс Эдмундович писал в Совнарком: «Вопрос о нашем клубе, объединяющем хозяйственников от завода до ВСНХ, как партийных, так и беспартийных, надо быстро двинуть. Без такого места и метода общения трудно будет выработать необходимую спайку и общность линий».

9 мая 1927 года объединение получило название «Клуб работников народного хозяйства», которому присвоили имя Ф. Э. Дзержинского. Первым председателем клуба стал профессиональный революционер, участник революции 1905—1907 годов, член Петроградского военно-революционного комитета в октябре 1917 года, член коллегии ВЧК, впоследствии директор Института народного хозяйства имени Плеханова — Мартын Иванович Лацис.

Кажется, еще совсем недавно писал Маяковский о неприглядной Мясницкой. А она уже совсем другая. Вот какой видел ее в 1926 году краевед А. Ф. Родин: «Каждая вывеска или витрина является заголовком страницы, а вся улица — громадной главой книги, повествующей об усилиях и достижениях промышленности СССР. Мясницкая — это улица металла, электричества, цемента, леса, стекла. Все это нужно для грандиозного строительства города и деревни, — от гвоздя до двигателя, от бревна и бочки цемента до оборудования электрических станций — все это идет с Мясницкой или через Мясницкую. Громадные магазины-выставки, внушительные конторы хозяйственных центров, колоссальные зеркальные окна, солидные деловые вывески и... вечно беспокойный поток людей, пролеток, автомобилей, трамваев — вот что составляет облик Мясницкой».

Старинный особняк вновь занял почетное место в теперь уже обновленной столице. Здесь во время бесед и совещаний директоров, руководителей промышленности, партийных работников выдвигались смелые предложения, обсуждались контрольные цифры первого пятилетнего плана, проблемы рационализации производства и качества продукции, шел поиск новых форм работы. Так, клуб стал инициатором создания Промакадемии, воспитавшей замечательную плеяду хозяйственников. Еще за два месяца до формального объединения двух клубов на общем собрании 15 марта 1927 года была принята резолюция: «Учитывая всю важность поставленной перед нашим Союзом задачи индустриализации страны, осуществление которой требует наличия кадра хорошо квалифицированного и подготовленного административно-технического персонала, признать целесообразным и своевременным организацию института и академии при ВСНХ СССР по поднятию квалификации административно-технического персонала, параллельно функционирующим курсам красных директоров и мастеров».

Сколько раз, занимаясь историей клуба, я сожалел, что не могу поговорить с кем-нибудь из красных директоров, чтобы

услышать живой рассказ об этой странице жизни дома. Но однажды на фотографии группы членов правления клуба 1931 года, опубликованной в журнале «Предприятие», я увидел... своего деда, старого большевика и красного директора Бориса Ильича Коренבלата (1887—1965). Лишний раз убедился в горькой правоте Пушкина — «мы ленивы и нелюбопытны». Вспоминаю деда, добродушного старика с лихо подкрученными усами, в крохотной темной комнатке, из которой он сделал себе удивительную по порядку и приспособленности мастерскую, от пола до потолка заставленную инструментами и «железками». Там он «колдовал» целыми днями. Там и сделал свое последнее изобретение — станок для заточки микротомных ножей, использовавшихся в хирургии, за который получил медаль на ВДНХ. Уже ни о чем не расспросить... Только из архивных документов я узнаю, что с 1929 по 1930 год дед был слушателем курсов, работавших в особняке. Что уже тогда он изобрел автомат клепального прессы и множество мелких приспособлений. Всю жизнь влюбленный в технику, он конечно же не мог не принять активного участия в жизни дома, где разрабатывалось техническое будущее страны.

При клубе создали Промышленный кабинет. Дело в том, что в то время как на одном предприятии с успехом разрешался какой-то технический вопрос, на другом продолжали биться над его решением. Выявить опыт и передать его — такова была главная задача кабинета. Этому способствовали издание научных трудов, организация прекрасной технической библиотеки, насчитывающей 22 тысячи томов, — справочников, специальной литературы, сорок наименований иностранных технических журналов. Еще один кабинет — рационализации — занимался вопросами борьбы с потерями производства, технического контроля и качества продукции.

Как это чаще всего и бывает на практике, уже сложившиеся отношения оформлялись документально. В уставе клуба так излагались основные задачи объединения: «...популяризация научных методов и усовершенствований в обла-

сти техники труда и организации производства; содействие взаимному общению представителей государственных учреждений, кооперативных, профессиональных и политических организаций для обмена опытом и обеспечения деловых сношений».

В 1932 году число членов клуба уже перевалило за 1300 человек. Клуб не только удовлетворял профессиональные интересы специалистов, но и обеспечивал их отдых. В особняке постоянно устраивались литературно-художественные вечера и концерты. Работали автомобильный, шахматный и физкультурный кружки. Здесь же можно было не без пользы провести время в так называемой «тихой читальне» — посмотреть газеты, журналы, новинки художественной литературы. На курсах иностранных языков изучали английский, немецкий и французский. Велись занятия по диалектическому материализму. Громадным успехом пользовались научно-популярные лекции. Так, один из организаторов советского здравоохранения, член Президиума ВЦИК Н. А. Семашко прочел доклад на тему «Наш быт». Неутомимый исследователь подземелий Московского Кремля археолог И. Я. Стеллецкий, всю жизнь искавший библиотеку Ивана Грозного, выступил с блестящим рассказом «Об исторических кладах СССР и подземной Москве».

Нередко о событиях, происходивших в клубе на Мясницкой, сообщала городская печать. В 1932 году газета «Вечерняя Москва» поместила два репортажа А. В. Храбровицкого о выступлении известного итальянского конструктора дирижаблей и полярного исследователя Умберто Нобиле (1885—1978).

Александр Вениаминович Храбровицкий, известный литературовед, рассказал мне, как в свое время он — репортер «Вечерки» — случайно узнал о предстоящем выступлении Нобиле и поспешил на Мясницкую:

— Опаздывал. Ехал на подножке трамвая. С трудом пробился в переполненный Большой зал. Нобиле говорил по-итальянски. Рядом переводчица. Из технических средств —

диапроектор. На первый взгляд обычная лекция, каких немало было в то время. Только люди вели себя необычно. Слушали его в тишине удивительной. И тема по тому времени актуальнейшая — строительство дирижаблей, и лектор — живая легенда. Сейчас, наверное, многим надо заглянуть в энциклопедию, чтобы вспомнить, а что же сделал Нобиле. Имя вроде бы знакомое, у всех на слуху, но что-то не вспоминается... А тогда его ледовая эпопея и чудесное спасение были в центре внимания планеты.

Первый трансполярный перелет Нобиле совершил в 1926 году на дирижабле собственной конструкции — «Норге». Экспедицию возглавлял великий исследователь Арктики Руаль Амундсен. Полет прошел успешно и принес молодому инженеру генеральское звание и мировую славу. Через два года, несмотря на противодействие фашистского правительства, Нобиле удалось на средства частных лиц и общественных организаций возглавить вторую полярную экспедицию на дирижабле «Италия». Этот дирижабль потерпел катастрофу. Попытка экспедиции проникнуть в тайны полярной природы стоила семнадцати человеческих жизней. Когда прервалась связь, сотни радиостанций и десятки тысяч радиолюбителей многих стран пытались поймать сигналы «Италии». Первым принял позывные о помощи советский радиолюбитель Н. Шмидт, живший в затерянном селе Северного края — Вознесенье-Вохма (ныне Никольский район Вологодской области). Спасательные работы вели многие страны, но решающую роль сыграли советские полярники, ледокол «Красин».

В июне 1931 года президент Академии наук СССР А. П. Карпинский, приехавший в Рим на Международный геологический конгресс, встретился с Нобиле:

— Вы нужны Москве. У нас хотят строить дирижабли типа «Норге» и «Италия».

Умберто Нобиле приехал в СССР. Он участвовал в экспедиции к Земле Франца-Иосифа на ледоколе «Малыгин», а затем работал в нашей стране до 1936 года консультантом Ди-

рижаблестроя. Спустя много лет 82-летний Нобиле написал книгу «Красная палатка» (русский перевод — М., 1975). В ней он вспомнил нашу страну 30-х годов: «В России меня особенно интересовал грациозный переворот в жизни и сознании людей, Октябрьская революция. Я находился под обаянием этой атмосферы накаленных страстей, где все силы, все помыслы были направлены на строительство нового общества, основанного на тех самых идеалах, которыми я увлекался в юности».

...28 мая 1932 года в Большом зале Дома Нобиле делает свой первый доклад «Дирижабль СССР необходим». Он рассказывает кратко историю развития дирижаблестроения и подчеркивает, что «широкие перспективы открываются перед дирижаблем в мирной жизни», потому что в исследовании неизученных областей дирижабль не имеет соперников. Самый мощный в мире самолет «ДО-Х» стоит полтора миллиона рублей, а дирижабль типа «N» (подобный «Италии» и «Норге») — всего 250 тысяч. Экономический же коэффициент дирижабля (показатель рентабельности) значительно выше, чем у самолета. Свое выступление Нобиле закончил словами: «Дирижаблестроению в СССР предстоит громадное будущее».

Второй раз он выступил 10 июня. Его доклад «Дирижаблестроение и перспективы его развития в СССР» собрал гигантскую аудиторию. Даже стоять было негде, а зал все равно не вместил всех желающих. Нобиле дал сравнительные характеристики дирижабля и самолета, доказав, что эти летательные аппараты дополняют друг друга и вместе смогут решить задачи, которые стоят перед человечеством в области воздушного транспорта.

— Нет на свете страны, — заявил Нобиле, — где бы предпосылки для развития дирижаблестроения были более благоприятны, чем в СССР. Громадные пространства страны можно покорить только воздушным путем!

В заключение он показал серию диапозитивов о последнем полете «Италии» к Северному полюсу в 1928 году. Как

известно, одна из причин гибели дирижабля заключалась в сложных метеорологических условиях.

— Если бы полет «Италии» совершался теперь, — заметил Нобиле, — то благодаря энергии и прозорливости Советского правительства, организовавшего в Арктике ряд метеорологических станций, он, несомненно, окончился бы менее трагически.

Когда в мае 1932 года Нобиле приехал в Москву, ему пришлось начинать с нуля. Не существовало ни мастерских, ни оборудования, ни ангаров. Не было даже ватмана и чертежных столов. Трудились в примитивных мастерских, на старых токарных станках почти при нулевой температуре и все же за минимальные сроки изготавливали металлические конструкции летательного аппарата. Когда в конце 1936 года Нобиле покидал Россию, работа шла полным ходом. Металлические ангары, каменные здания, многокилометровые подъездные пути. А советские дирижабли одерживали первые блистательные успехи. Так дирижабль «В-6» продержался в воздухе 130 часов 27 минут. Все рекорды длительности полета дирижаблей любого типа были побиты.

В своей книге Нобиле с грустью писал, что дирижабли, по-видимому, навсегда ушли в прошлое, несмотря на отчаянные усилия их возродить. В век сверхзвуковых самолетов и ракет они кажутся анахронизмом. Но свою задачу первого воздушного транспорта они блестяще выполнили, оставив неизгладимую память в истории побед человеческого разума, в истории познания мира. Эту память хранит и старинный особняк, где Умберто Нобиле выступал перед инженерами Москвы.

Таковы были первые шаги Клуба работников народного хозяйства имени Ф. Э. Дзержинского. План первой пятилетки и вопросы реконструкции народного хозяйства, рационализация производства и развития транспорта, введение хозрасчета и промфинплана — все, что стояло на повестке дня клуба, подчинялось единой цели — скорейшему построению социализма. Благодаря объединенным усилиям хозяйствен-

ников, клуб сумел организовать десятки тысяч людей не только в стенах особняка, но и на предприятиях. Именно в это время получили широкое развитие такие формы и методы пропаганды технических и экономических знаний, как лекции и доклады, курсы повышения квалификации и научно-технические конференции с изданием докладов. Так особняк превратился в московский центр повышения технических знаний.

С 1932 по 1939 год Дом принадлежит Наркомтяжпрому, а с 1936-го клуб получает новое название — Дом инженера и техника имени Ф. Э. Дзержинского. В 1939 году особняк передается Наркомату угольной промышленности и до 1955 года он в основном используется для нужд этого министерства. И хотя в его стенах размещалась выставка новой техники и технологии углеработок, все же сложившиеся традиции общемосковского центра научно-технической мысли прервались. Вот почему 29 июня 1955 года по предложению МГК КПСС Совет Министров СССР преобразовал Дом инженера и техника в Московский Дом научно-технической пропаганды имени Ф. Э. Дзержинского и передал здание в распоряжение Всесоюзного общества «Знание», поставив перед коллективом и общественностью Дома задачу распространять технические, экономические и научные знания, передовой производственный опыт.

Так с марта 1956 года открылась еще одна страница истории этого удивительного Дома. Истории, которую можно назвать историей сегодняшнего дня старинного особняка.

Когда бы не переступил я этот порог, всегда оказываюсь среди множества людей. Рабочие-повороты, академики, инженеры, москвичи и приезжие. Здесь никогда не бывает тихо. В залах, на лестничных переходах и даже у раздвижки продолжают что-то доказывать, о чем-то спорить. На прижатом к стене блокноте набрасывается чертёж.

— Теперь убедился?!

— Вечный двигатель я тебе тоже начерчу. Ты мне докажи, что эта машина будет работать...

Как по-разному ведут себя собравшиеся здесь люди. Темпераментная жестикουλация и спокойная, размеренная речь, проницательные усмешки и нервозность. Все что угодно, кроме одного — равнодушия. Потому что в этом здании становятся очевидными результаты исследований, открывающих новые возможности в развитии производства. Здесь обсуждаются новейшие научно-технические достижения, проблемы научно-технической информации, отечественный и зарубежный передовой опыт. В этом доме, как на экране, видна вся сегодняшняя жизнь промышленности, экономики, транспорта, строительства. Какая бы задача не ставилась перед страной — интенсификация производства, ускорение научно-технического прогресса в народном хозяйстве, совершенствование планирования и управления, охрана окружающей среды, хозрасчетные бригады... — все находит отражение в планах семинаров, лекций, докладов, конференций, консультаций. Неудивительно, что Дом притягивает к себе постоянно тысячи людей. Здесь работает 46 научных секций и 7 лекторских групп, объединяющих около пяти тысяч членов общества «Знание». Печатные издания Дома (до 60 в год!) содержат ценнейшую информацию для специалистов. Международные связи позволяют сотрудничать с подобными же домами в странах социалистического содружества — Венгрии, Болгарии, Польши, ГДР. Благодаря тесному сотрудничеству советские и зарубежные специалисты получают нужную информацию быстрее и полнее, чем это можно сделать с помощью периодической печати. Кроме того, Дом, являющийся членом Торгово-промышленной палаты СССР, по ряду научно-технических проблем связан со специалистами ФРГ, Англии, Швейцарии, Австрии, Японии, США... Вот почему семинары, конференции проходят здесь при переполненных залах, а сам Дом продолжает оставаться одним из культурных центров Москвы.

Сюда приходят люди, создающие эпоху в современной науке и технике. В середине 60-х годов на одной из конференций с докладом «Современные проблемы развития науки и

техники» выступил человек, псевдоним которого никому и ничего не говорил. Только после смерти станет известно его имя. Считанные люди, в том числе и рассказавший об этом бывший директор Дома Леонид Петрович Кузьмин, знали, что в Большом зале особняка выступал Главный конструктор космических кораблей С. П. Королев (1906/07—1966).

Вся жизнь выдающегося ученого была посвящена одной цели — осуществлению мечты К. Э. Циолковского о космических полетах. Понимая невозможность такой работы в одиночку, Сергей Павлович сумел создать коллектив энтузиастов ракетной техники и доказал, что эта работа не «лунная фантазия», а необходимый шаг в развитии науки и обороны страны. Так, в 1933 году была запущена первая советская жидкостная ракета. Королев стал летчиком и осваивал безмоторный полет на планерах своей конструкции, создавал новые боевые самолеты в годы войны, стремясь достичь невиданной скорости и высоты полета. После победы он работает над созданием баллистических ракет дальнего действия. Летом 1957 года успешно испытана первая в мире межконтинентальная многоступенчатая ракета. В этом же году после запуска первого искусственного спутника Земли началась новая, космическая эра в истории человечества. Под руководством Главного конструктора уходят в космос первые автоматические станции, а 12 апреля 1961 года на корабле «Восток» первый космонавт мира Ю. А. Гагарин совершил виток вокруг Земли. То, что делал Королев, казалось фантастикой. В 1965 году космонавт А. А. Леонов впервые вышел в открытый космос.

Королев был ученым, инженером, конструктором, испытателем. И велик он не только теми результатами, которые ошеломили мир, но и тем, что показал, как нужно выдвигать новые идеи и воплощать их в жизнь. Зная на практике, что реализация научного предвидения принадлежит целым коллективам специалистов, он умел пропагандировать науку. Пропагандировать так, как об этом писал академик Петр Леонидович Капица: «У нас много говорят о популяризации

науки, подразумевая под этим популяризацию ее для широких масс, но не привыкли думать, что кроме нее существует еще пропаганда науки. Всякое большое научное достижение, всякий шаг вперед в науке можно не только популяризовать — и это, конечно, не обязательное дело ученого, но дело ученого — это пропандировать его, т. е. показать своим же товарищам ученым его значение, объяснить ту роль в науке, которую это достижение призвано сыграть, указать, какое влияние оно может иметь на развитие научной мысли, на наши философские воззрения, на нашу технику и т. д.».

Понимая необходимость этого, дважды Герой Социалистического Труда академик С. П. Королев приехал и выступил перед специалистами в Доме на улице Кирова. И думается, что не случайно в этом же Большом зале Дома, 18 мая 1982 года прошел семинар «Будни и перспективы космонавтики», где с докладом «Достижения советской космонавтики» выступил один из тех, кого Сергей Павлович лично «благословлял» на полет — летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза, генерал-майор авиации, кандидат технических наук Павел Романович Попович.

Если в 30-е годы крупные мероприятия в Доме проходили нечасто, то теперь трудно охватить тот колоссальный объем информации, с которым знакомятся люди, приходящие сюда ежедневно. На конференциях за три дня выступают от 30 до 50 человек, да добавить к этому выставки литературы по теме, демонстрации технических фильмов, консультации — то читатель может себе представить, насколько интенсивно ведется работа в этих стенах. Здесь же, в Доме, постоянно работает Народный университет, куда на двадцать факультетов (инженерно-экономический, вычислительной математики и др.) принимаются специалисты предприятий Москвы. В год через Дом проходит свыше 600 тысяч человек, и тем не менее огромный особняк не в состоянии принять в своих стенах всех, кому необходимо получить исчерпывающую конкретную информацию практически по любому техническому и экономическому вопросу. Вот почему

Дом организует встречи ученых вузов и научно-исследовательских институтов с рабочими и инженерами непосредственно на предприятиях и в организациях; а лекторская группа Дома ежегодно читает более 12 тысяч лекций.

10 июня 1982 года в Большом зале Дома состоялся торжественный вечер, посвященный 60-летию Московского Дома научно-технической пропаганды имени Ф. Э. Дзержинского. О громадном вкладе Дома в развитие научно-технической пропаганды в стране рассказывали ученые, инженеры, рабочие. МГК КПСС, крупнейшие предприятия страны, зарубежные друзья прислали поздравительные телеграммы.

События осознаются с ходом времени. Если факты помнят, собирают и стараются их объяснить — рождается История. Историей особняка занимались энтузиасты, многие годы проработавшие здесь. Их стараниями многие факты жизни Дома были спасены от забвения. И поэтому стоит назвать их имена. Члены правления Клуба красных директоров К. Горелов-Горлэ и П. Капустин, которые в 1932 году на страницах журнала «Предприятие» впервые рассказали историю Клуба работников народного хозяйства имени Ф. Э. Дзержинского за десять лет его существования. Инженер Г. Г. Яценко, написавший брошюру о пропаганде научно-технических знаний в Доме в наши дни. Дольше продолжающий свою работу методист Г. П. Мычко, не только собирающий литературу по истории особняка, но и много сделавший для того, чтобы о ней знали как можно больше людей. И еще одного исследователя необходимо назвать — москвовед и библиограф В. В. Сорокина, составившего уникальную роспись газетных материалов по истории Москвы XIX века и щедро поделившегося с автором этой книжки многими находками.

Не оставлено заботой и само здание. Стараниями специалистов Художественного фонда РСФСР в особняке регулярно проводятся реставрационные работы. Совсем недавно в одном из подвальных помещений под слоем краски обнаружили интересную роспись, созданную, по мнению специали-

стов, в начале XIX века. Сейчас ее реставрируют. Бережно сохраняется старинная лепнина, мраморные и деревянные украшения залов. За долгие годы Дом не потерял своего лица и не перестает радовать людей своеобразной красотой.

Издавна это здание облюбовали кинематографисты. Как раз в том подвале, где сейчас работают реставраторы, снималась знаменитая сцена игры на бильярде в фильме «Возвращение Максима» (артисты Б. П. Чирков и М. И. Жаров). Один из залов превратился в особняк американской миссии в Берне, где велись закулисные переговоры о заключении сепаратного мира (артисты В. И. Гафт, В. С. Лановой, А. С. Эйбоженко, В. А. Шалевич) в популярном телефильме «Семнадцать мгновений весны».

* * *

В 1966 году директор Дома Л. П. Кузьмин находился в командировке в Польше. В доме переводчика, пана Станислава, сидела маленькая старушка, которая, узнав, что гость из Москвы, забросала его вопросами о городе. И первым был такой:

— А вы знаете большой красивый особняк в начале Мясницкой? До революции я жила как раз в доме напротив. Потом вышла замуж и уехала в Варшаву. Этот особняк... он сохранился?

Она смотрела на подаренную фотографию Дома и, сдерживая слезы, слушала Кузьмина:

— А что ему сделается? Еще триста лет простоят! (Мог бы и не простоят. По проекту строительства трассы Новокировского проспекта уникальный архитектурно-исторический памятник подлежал сносу. Благодаря ходатайству академика И. И. Артоболевского его удалось отстоять.)

...Я выхожу из Дома с трехсотлетней историей. Дома — патриарха Москвы — современника Петра I и Пушкина, свидетеля становления Советской власти и начала эры освоения космоса. Я выхожу из Дома будущего. Потому что жизнь замечательного особняка продолжается.

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛЛЕКЦИЯ ЭПОХ	5
«ВСЕОБЩАЯ БИБЛИОТЕКА РОССИИ»	9
СОДЕЙСТВОВАТЬ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ЗНА- НИЙ	29
ОТ ДЕЛОВОГО КЛУБА ДО МОСКОВСКОГО ДОМА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ПРОПАГАН- ДЫ ИМЕНИ Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО	43

Анатолий Павлович Шикман

УЛИЦА КИРОВА, 7

Заведующая редакцией *Т. Митрофанова*

Редактор *Л. Карбанова*

Художник *А. Маркевич*

Фото *В. Гротте*

Художественный редактор *И. Сайко*

Технический редактор *Н. Привезенцева*

Корректоры *З. Кулемина, Т. Нарва*

ИБ № 4266

Сдано в набор 23.02.89. Подписано к печати 02.06.89. Л122579. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 3,5. Усл. кр.-отт. 4,37. Уч.-изд. л. 3,37. Тираж 60 000 экз. Заказ 4575. Цена 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий», 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

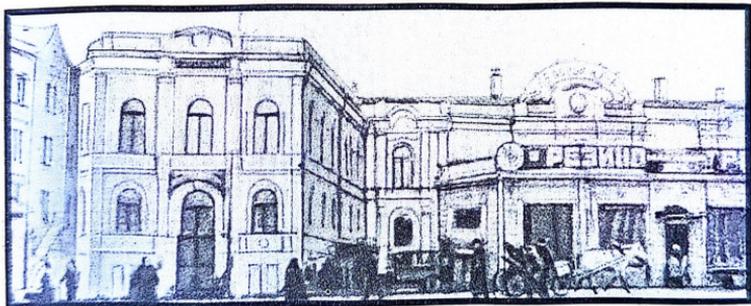
Шикман А. П.

Ш57 Улица Кирова, 7.— М.: Моск. рабочий, 1989.— 61 с.,
ил. (Биография московского дома).

Книга рассказывает об истории старинного особняка XVII века, в котором сейчас находится Дом научно-технической пропаганды имени Ф. Э. Дзержинского. В XIX веке здесь была знаменитая библиотека А. Д. Чертова, в которой работал историк, археограф и библиограф П. И. Бартнев. В этом доме развивалась и деятельность Литературно-художественного кружка, который объединил весь цвет московской интеллигенции.

Ш $\frac{440300000-012}{M172(03)-89}$ 93—89

ББК 63.3(2) л6

Прохожие на мой вопрос смущенно улыбаются: «Фуркасовский переулок рядом. А где находилась Чертковская библиотека, простите, не знаем». Мы разговаривали в десяти шагах от дома. Узнаю его сразу по двадцати, в два ряда, зеркальным окнам левого крыла, тянущимся по Фуркасовскому переулку. А другим, меньшим рядом оно обращено к главному зданию. Каждый дом — слепок своей эпохи. Этот — коллекция эпох.

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ